Заветы

Автор:
Маргарет Этвуд

Заветы

Маргарет Этвуд

Рассказ Служанки #2Экспансия чуда. Проза Маргарет Этвуд

Больше пятнадцати лет прошло с момента событий «Рассказа Служанки», республика Галаад с ее теократическим режимом по-прежнему удерживает власть, но появляются первые признаки внутреннего разложения. В это важное время судьбы трех очень разных женщин сплетаются – и результаты их союза сулят взрыв. Две из них принадлежат первому поколению, выросшему при новом порядке. К их голосам присоединяется третий – голос Тетки Лидии. Ее непростое прошлое и смутное будущее таят в себе множество загадок. В «Заветах» Маргарет Этвуд приподнимает пелену над внутренними механизмами Галаада, и в свете открывшихся истин каждая героиня должна понять, кто она, и решить, как далеко она готова пойти в борьбе за то, во что верит.

Маргарет Этвуд

Заветы

Margaret Atwood

THE TESTAMENTS

Copyright © O.W. Toad, Ltd. 2019

Interior and case art by Suzanne Dean (fountain pen) and Noma Bar (girl profi les)

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Всякой женщине надлежит иметь те же мотивы, что у прочих женщин, – иначе она чудовище.

Джордж Элиот, «Даниэль Деронда»

Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало… Разве вы не узнаете себя, свою волю в нас?

Оберштурмбанфюрер Лисс – старому большевику Мостовскому.

Василий Гроссман, «Жизнь и судьба»

Свобода – это груз, который может оказаться не по силам для слабого. Свобода – не подарок, свобода – выбор, иногда нелегкий.

Урсула К. Ле Гуин, «Гробницы Атуана»[1 - Перев. С. Славгородского. (Здесь и далее примеч. перев. Переводчица благодарит за поддержку Бориса Грызунова.)]

I

Статуя

Автограф из Ардуа-холла

1

Статуи дозволительны только мертвым, а вот мне статуя досталась при жизни. Я уже окаменела.

Статуя – небольшой знак благодарности за мой обширный вклад; об этом говорилось в приказе, который зачитала Тетка Видала. Что она сделала по поручению нашего руководства и не испытывая ни капли благодарности. Призвав на помощь всю свою скромность, я сказала «спасибо», потянула за бечевку и сдернула свой тканый саван; ткань спорхнула на землю – и мне явилась я. У нас в Ардуа-холле гикать не принято, однако сдержанные хлопки раздались. Я в ответ склонила голову.

В камне я больше, чем в жизни – со статуями так бывает сплошь и рядом, – и статуя моложе, худее и в лучшей форме, нежели последние годы была я. Спина прямая, плечи расправлены, губы изогнуты в стоической, но великодушной улыбке. Глаза мои устремлены к некоей космической точке отсчета, каковая, очевидно, олицетворяет мой идеализм, мою несгибаемую верность долгу, мою решимость идти вперед вопреки любым препонам. Моя статуя, впрочем, никаких небесных явлений не узрит – ее поставили в кустах посреди угрюмой рощицы, обок от тропинки, что бежит вдоль фасада Ардуа-холла. Нам, Теткам, даже в камне кичливость не к лицу.

За мою левую руку, доверчиво взирая снизу вверх, цепляется девочка лет семи-восьми. Моя правая рука возлежит на темени женщины, что скорчилась рядом, – волосы под вуалью, взгляд заведен на меня, в лице читается то ли робость, то ли признательность: кто-то из наших Служанок, – а за моей спиной стоит одна из моих Жемчужных Дев, готовая приступить к миссионерским трудам. На поясе у меня висит электробич. Оружие напоминает о моих изъянах: если б я работала плодотворнее, этот инструмент мне бы не понадобился. Я убеждала бы одним лишь голосом.

Не самая удачная скульптурная группа – чересчур перегруженная. Лучше бы внятнее сделали акцент на мне. Зато на вид я хотя бы в здравом рассудке. А могло выйти иначе: престарелая скульпторша – правоверная, уже скончалась – имела обыкновение передавать благочестивый пыл, наделяя свои изваяния выпученными глазами. Бюст Тетки Хелены страдает бешенством, у бюста Тетки Видалы – гиперфункция щитовидки, а бюст Тетки Элизабет с минуты на минуту грозит лопнуть.

На открытии скульпторша нервничала. Льстит ли мне статуя? Одобряю ли я? Одобрю ли зримо? Я подумывала нахмуриться, едва упадет простыня, но отказалась от этой мысли: у меня все-таки есть сердце.

– Прямо как живая, – сказала я.

Было это девять лет назад. Время не пощадило статую: меня изукрасили голуби, мои повлажневшие складки заросли мхом. Почитательницы завели привычку оставлять подношения у моих ног: яйца – знак плодовитости, апельсины – намек на вынашивание, круассаны – аллюзия на луну. Хлебные изделия я оставляю – как правило, их успевает полить дождь, – а вот апельсины забираю себе. Апельсины весьма освежают.

Я пишу в своем личном кабинете в библиотеке Ардуа-холла – одной из немногих библиотек, что сохранились после увлеченного сжигания книг, прокатившегося по нашей земле. Прошлое оставило уродливые и кровавые отпечатки пальцев – следовало их стереть, дабы освободить пространство чистому душой поколению, которое, несомненно, явится со дня на день. Так гласит теория.

Но кровавые отпечатки пальцев оставляли и мы, а их так просто не сотрешь. За долгие годы я захоронила немало костей, а теперь склоняюсь вновь извлечь их из-под земли хотя бы тебе в назидание, безвестный мой читатель. Если ты это читаешь, значит, моя рукопись по крайней мере уцелела. Впрочем, возможно, я фантазирую: возможно, у меня никогда не будет читателя. Возможно, единственным собеседником моим будет стенка – во многих смыслах.

На сегодня довольно бумагомарания. Ноет рука, ломит спину, и меня ждет еженощная чашка горячего молока. Сочинение свое я сокрою в тайнике, избегая камер наблюдения – где они, я знаю, я сама их устанавливала. Невзирая на

такие предосторожности, я вполне сознаю, чем рискую: писания бывают опасны. Какие вероломства, а затем и доносы уготованы мне? В Ардуа-холле найдутся те, кто с дорогой душой наложил бы лапу на эти страницы.

Не спешите, безмолвно советую им я: будет хуже.

II

Цветок драгоценный

Протокол свидетельских показаний 369А

2

Вы просите рассказать, каково мне было расти в Галааде[2 - Галаад – гора, а также гористая страна за Иорданом, которая славилась богатством и плодородием. «И взял Иаков камень и поставил его памятником. И сказал Иаков родственникам своим: наберите камней. Они взяли камни, и сделали холм, и ели [и пили] там на холме. [И сказал ему Лаван: холм сей свидетель сегодня между мною и тобою.] И назвал его Лаван: Иегар-Сагадуфа; а Иаков назвал его Галаадом» (Быт. 31:45–47). «Галаад – город нечестивцев, запятнанный кровью» (Ос. 6:8).]. Вы говорите, что это поможет, и да, я хочу помочь. Вы, вероятно, ожидаете сплошных ужасов, но на самом деле в Галааде, как и повсюду, дети зачастую окружены любовью и заботой, и в Галааде, как и повсюду, взрослые зачастую добры, хотя и не лишены слабостей.

И надеюсь, вы примете во внимание, что все мы скучаем по доброте, которую видели детьми, сколь ни абсурдными видятся обстоятельства нашего детства всем прочим. Я согласна с вами, Галаад должен сойти на нет – слишком много в нем дурного, слишком много ложного, слишком многое, безусловно, противоречит Божьему Замыслу, – но все же дозвольте мне оплакать то хорошее, что будет утрачено вместе с дурным.

В школе у нас весной и летом носили розовый, осенью и зимой – сливовый, а белый – по особым дням, по воскресеньям и праздникам. Руки покрыты, волосы покрыты, до пяти лет юбки по колено, а после – не более двух дюймов над лодыжкой, ибо мужские страсти ужасны и их надлежит укрощать. Мужчины вечно шныряют взглядом тут и там, подобно тиграм, глаза у них – что прожекторы, и их надлежит защищать от притягательной и, более того, ослепительной нашей силы – от наших лепных, или тощих, или толстых ног, от наших изящных, или шишковатых, или сосисочных рук, от нашей персиковой или прыщавой кожи, от наших вьющихся блестящих локонов, или жесткой непослушной овчины, или соломенных жидких кос – детали значения не имеют. С любыми формами, любыми чертами, вопреки своей воле мы – ловушки, приманки, мы – чистые и безвинные корни зла, сама природа наша пьянит мужчин похотью, и они колеблются, и шатаются, и падают, преступив грань (Грань чего? – недоумевали мы. Это как с обрыва?), и рушатся в бездну, объятые пламенем, точно снежки, вылепленные из горящей серы и запущенные в полет рассерженной рукою Бога. Мы – хранительницы заветного сокровища, что незримо таится внутри нас; мы – цветы драгоценные, кои следует беречь за стеклом оранжерей; а иначе нас подстерегут, оборвут наши лепестки, украдут наше сокровище, иначе нас разорвут на час-ти и затопчут алчные мужчины, что прячутся за каждым углом в лютом и безнравственном мире, раскинувшемся снаружи.

Так рассказывала нам в школе сопливая Тетка Видала, пока мы мелкой гладью вышивали носовые платки, и пуфики, и картинки в рамочках – предпочтительно изображения цветов в вазе, фруктов в чаше. А вот Тетка Эсте, наша любимая учительница, говорила, что Тетка Видала чрезмерно усердствует и пугать нас до полусмерти ни к чему, это внушит нам отвращение, а оно дурно повлияет на счастье нашей будущей замужней жизни.

– Не все мужчины таковы, девочки, – успокаивала Тетка Эсте. – У лучших из них – превосходный нрав. Некоторые неплохо держат себя в руках. А замужем вам все увидится совсем иначе, отнюдь не так страшно.

Ей самой, правда, неоткуда было знать, поскольку Тетки замуж не выходили – им не разрешалось. Поэтому им позволяли писание и книги.

– Когда придет время, мы, и ваши отцы, и ваши матери с умом подберем вам мужей, – говорила Тетка Эсте. – Так что ничего не бойтесь. Учите уроки, слушайтесь старших, они все сделают, как надо, и все случится, как до?лжно. Я

буду об этом молиться.

Но, невзирая на ямочки и располагающую улыбку Тетки Эсте, в наших умах господствовала версия Тетки Видалы. Эта картина всплывала в моих кошмарах: раскалывалось стекло оранжереи, затем все трещало, и рвалось, и грохотали копыта, и розовые, и белые, и сливовые ошметки меня разлетались по земле. Я страшилась повзрослеть – повзрослеть и дорасти до свадьбы. Я не верила, что Тетки сделают выбор с умом: я боялась, что в итоге меня выдадут за какого-нибудь горящего козла.

Особенным девочкам, таким как мы, полагались розовые, белые и сливовые платья. Обычные девочки из Эконосемей всегда носили одно и то же – разноцветное полосатое уродство и серые накидки, как у их матерей. Эти девочки даже не учились вышивать мелкой гладью или вязать крючком – только шить и складывать бумажные цветы, всяким таким занятиям. Они не избранные и не выйдут замуж за лучших мужчин, за Сынов Иакова и других Командоров и их сыновей, – они не как мы, хотя их могут избрать, когда повзрослеют, если они вырастут красивыми.

Вслух этого не говорили. Не полагалось щеголять красотой, это нескромно, и не полагалось замечать чужую красоту. Хотя мы знали правду: лучше быть красивой, чем уродкой. Даже Тетки больше внимания уделяли красивым. Но, если ты уже избранная, не так важно, красивая ты или нет.

Я не косила, как Олдама, у меня не было встроенной надутой гримасы, как у Сонамит, и почти отсутствующих бровей, как у Бекки, однако я была еще не готова. Лицо, как тесто, как печенье, которое пекла мне Цилла, моя любимая Марфа, – глаза-изюмины и зубы, как тыквенные семечки. Но я, хотя и не замечательная красавица, была очень-очень избранная. Дважды избранная, и не только для того, чтобы выйти замуж за Командора: сначала меня избрала Тавифа – это была моя мама.

Тавифа сама мне так рассказывала.

– Я пошла погулять в лесу, – говорила она, – и наткнулась на зачарованный замок, и внутри сидело взаперти много-много маленьких девочек, и ни у одной не было матери, и их всех заколдовали злые ведьмы. У меня было волшебное

кольцо, которое отпирало ворота замка, но спасти я могла только одну девочку. Я оглядела всех очень внимательно и из целой толпы девочек выбрала тебя!

– А остальные? – спрашивала я. – Что случилось с остальными девочками?

– Их спасли другие мамы, – отвечала она.

– У других мам тоже были волшебные кольца?

– Ну конечно, милая моя. Чтобы стать мамой, нужно волшебное кольцо.

– А где это волшебное кольцо? – спрашивала я. – Где оно сейчас?

– У меня на пальце, – отвечала она и гладила безымянный палец левой руки. Она говорила, этот палец – сердечный. – Но в моем кольце было только одно желание, и я истратила его на тебя. И теперь это обычное, неприметное мамино кольцо.

Тут мне разрешалось примерить кольцо – золотое, с тремя брильянтами: один крупный и два маленьких по бокам. На вид такое, будто некогда и впрямь было волшебным.

– И ты меня взяла на руки и унесла? – спрашивала я. – Из леса?

Историю я знала наизусть, но любила слушать снова и снова.

– Нет, сокровище мое, ты была уже слишком большая. Если б я несла тебя на руках, я бы закашлялась и нас бы услышали ведьмы. – (Я и сама знала, что это правда: Тавифа действительно много кашляла.) – Поэтому я взяла тебя за руку, и мы вышли из замка на цыпочках, чтобы ведьмы не услышали. Мы обе говорили: «Тш-ш, тш-ш», – тут она прижимала палец к губам, и я тоже поднимала палец и в восторге повторяла за ней: «Тш-ш, тш-ш», – а потом мы быстро-быстро побежали по лесу, спасаясь от злых ведьм, потому что одна заметила, как мы вышли за порог. Мы сначала бежали, а потом спрятались в дупле. Было очень опасно!

У меня осталось расплывчатое воспоминание о том, как я бегу по лесу и кто-то держит меня за руку. И я пряталась в дупле? Кажется, да, я где-то пряталась. Может, все это было на самом деле.

– А потом что? – спрашивала я.

– А потом я привела тебя в этот красивый дом. Ты ведь счастлива? Ты нам всем так дорога! Нам с тобой повезло, что я выбрала тебя, правда?

Я приникала к ней, а она меня обнимала, и я головой прижималась к ее худому телу, к твердой ряби ее ребер. Я ухом притискивалась к ее груди и слышала, как внутри колотится сердце – все быстрее и быстрее, казалось мне, потому что Тавифа ждала ответа. Я знала, что мои слова могущественны: либо Тавифа улыбнется, либо нет.

Что я могла сказать? Только да и да. Да, я счастлива. Да, мне повезло. Это же правда.

3

Сколько мне было тогда? Лет шесть, должно быть, или семь. Трудно сказать – обо всем, что было до того, у меня нет ясных воспоминаний.

Тавифу я обожала. Она была красавица, хотя и ужасно худая, и она играла со мной часами. У нас был кукольный дом, один в один наш собственный – гостиная, и столовая, и большая кухня для Марф, и отцовский кабинет со столом и книжными шкафами. Все понарошечные книжечки на полках были пусты. Я спрашивала, почему в них ничего нет – у меня было смутное подозрение, что на страницах должны быть значки, – и мама отвечала, что книжки – это такие украшения, как вазы с цветами.

Сколько же ей приходилось лгать ради меня! Чтобы меня уберечь! Но лгала она доблестно. Она была очень изобретательная.

На втором этаже кукольного дома у нас были прелестные большие спальни с занавесками, и обоями, и картинами – красивыми, с фруктами и цветами, – и маленькие спаленки на третьем этаже, и целых пять уборных, хотя одна была

туалетной (почему она так называется? что такое «туалет»?) и еще погреб с припасами.

В этом кукольном доме у нас были все куклы, каких только можно пожелать: кукла-мама в голубом платье Жены Командора, маленькая кукла-девочка с тремя платьицами, розовым, белым и сливовым, в точности, как у меня, и три куклы-Марфы в тускло-зеленых платьях и фартуках, и Хранитель Веры в фуражке – водить машину и косить газон, и два Ангела – караулить ворота с крохотными пластмассовыми винтовками наперевес, чтоб никто не забрался и не обидел нас, и кукла-отец в жестком мундире Командора. Этот почти ничего не говорил, только много ходил из угла в угол и сидел во главе обеденного стола, и Марфы таскали ему еду на подносах, а потом он удалялся в кабинет и закрывал дверь.

В этом отношении кукольный Командор походил на моего отца Командора Кайла, который улыбался мне, интересовался, хорошо ли я себя веду, а затем исчезал. Разница, впрочем, была: чем занимался кукольный Командор у себя в кабинете, я видела – он сидел за столом перед Комптактом и кипой бумаг, – а про настоящего отца я не знала ничего: заходить в отцовский кабинет запрещалось.

Говорили, что отец занимается там чем-то ужасно важным – важными мужскими делами, слишком важными, женщинам нечего совать нос, у женщин мозги меньше и не справляются с большими мыслями, – так говорила Тетка Видала, которая преподавала нам Религию. Все равно что учить кошку вязать крючком, говорила Тетка Эсте, которая преподавала нам Рукоделие, и мы смеялись, потому что это же нелепица! У кошек даже пальцев нет!

То есть у мужчин в головах как бы пальцы, но такие, которых нет у девочек. И это все объясняет, говорила Тетка Видала, и хватит уже вопросов на эту тему. Ее губы захлопывались, запирая другие слова, невысказанные. Я знала, что наверняка должны быть и другие слова, потому что даже в те времена аргумент про кошек вызывал сомнения. Кошки не хотят вязать крючком. А мы не кошки.

Запретное открыто воображению. Потому Ева и отведала Яблоко Познания, говорила Тетка Видала: воображение у нее было слишком развитое. Так что кое-чего лучше вовсе не знать. Не то разлетятся лепестки.

В кукольном наборе была и кукла-Служанка – красное платье, раздутый живот, белые крылышки прячут лицо, – но мама сказала, что Служанка нам в доме ни к чему, у нас ведь уже есть я, а если одна девочка у нас уже есть, не к лицу жадничать. Поэтому Служанку мы завернули в папиросную бумагу, и Тавифа сказала, что можно подарить эту куклу какой-нибудь другой девочке, у которой нет такого чудесного кукольного дома, – ей кукла-Служанка очень пригодится.

Я только рада была убрать Служанку в коробку, потому что настоящие Служанки меня пугали. Мы встречались с ними на школьных прогулках, шагая парами, длинной колонной, с Теткой в голове и Теткой в хвосте. Ходили мы в церкви или в парки, где можно было водить хороводы или смотреть на уток в пруду. Позднее нам разрешили бы в белых платьях и вуалях посещать Избавления и Молитвонады, смотреть, как людей вешают или женят, но тогда Тетка Эсте говорила, что мы пока еще слишком маленькие.

В одном парке были качели, но о таких вольностях нам не полагалось и думать – мы же в юбках, в юбки надует ветер, и кто-нибудь подглядит. Только мальчики могли вкусить подобной свободы; только мальчикам разрешалось взлетать и парить; только их пускали в небеса.

Я до сих пор ни разу не качалась на качелях. Это у меня мечта по сей день.

Мы маршировали по улице строем, а Служанки с корзинками для покупок шагали парами. Служанки на нас не смотрели – почти не смотрели, не смотрели в упор, – а нам не полагалось смотреть на них, потому что пялиться невежливо, говорила Тетка Эсте, ведь невежливо пялиться на калек и вообще на тех, кто на тебя не похож. Расспрашивать о Служанках нам тоже не разрешали.

– Вырастете и все это узнаете, – говорила Тетка Видала.

Все это – Служанки тоже были все это, вместе со всем прочим. Значит, плохое – вредное или поврежденное, что, быть может, одно и то же. А прежде Служанки были как мы – белые, и розовые, и сливовые? Не убереглись, что-то притягательное у себя оголили?

Теперь-то их почти не разглядеть. Даже лиц не видно, потому что у них эти белые крылышки. Служанки были все одинаковые.

В кукольном доме была кукла-Тетка, хотя в доме ей не место, ей место в школе или в Ардуа-холле, где, по слухам, жили Тетки. Играя одна, я запирала куклу-Тетку в подполе, и это был недобрый поступок. Кукла-Тетка колотила в дверь подпола и кричала: «Выпустите меня!» – но кукла-девочка и кукла-Марфа, которая ей помогала, не обращали внимания, а порой смеялись.

Я без удовольствия описываю свою жестокость, хотя жестока я была всего лишь к кукле. Натуре моей свойственна мстительность, и эту черту мне, увы, так и не удалось совершенно подавить. Но в повествованиях подобного рода о своих оплошностях, как и обо всех прочих поступках, лучше говорить начистоту. Иначе никто не поймет, как рождались твои решения.

Честности перед собой меня научила Тавифа, что, ввиду всей ее лжи, несколько парадоксально. Справедливости ради должна отметить, что с собой она, вероятно, была честна. Изо всех сил старалась – так мне кажется – быть хорошим человеком в предложенных условиях.

Каждый вечер, рассказав мне историю, она укладывала меня в постель с моей любимой плюшевой игрушкой – игрушка была китом, потому что Господь дозволил рыбам большим резвиться в море[3 - «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт. 1:21).], и играть с китом разрешалось, – а потом мы вместе молились.

Молитва была, как песенка, и мы пели ее дуэтом:

Когда я усну и погаснут огни,

Боже, душу мою сохрани,

А если я не проснусь уже,

Вечную жизнь подари душе.

Четверо ангелов рядом со мной,

Два впереди и два за спиной:

Один – следить, другой – просить,

А двое – душу мою уносить[4 - «Когда я усну» (Now I Lay Me Down to Sleep) – английская детская песенка, известная с XVIII века.].

Голос у Тавифы был чудесный – как серебряная флейта. Порой по ночам, засыпая, я почти слышу, как она поет.

Но местами песня меня смущала. Во-первых, ангелы эти. Я понимала, что ангелы должны быть в белых ночнушках и с перьями, но мне они представлялись иначе. Мне они представлялись нашими Ангелами: мужчинами в черном, с нашитыми ткаными крыльями на мундирах и с винтовками. Неприятно было думать, что, пока я сплю, вокруг моей постели стоят четверо Ангелов, потому что они же все-таки мужчины – а вдруг я что-нибудь нечаянно высуну из-под одеяла? Ноги, например? Это ведь разожжет в них страсти? Неминуемо разожжет, деваться некуда. Так что мысль о четверых Ангелах отдохновению не способствовала.

И вдобавок неутешительно было молиться о смерти во сне. Я не думала, что во сне умру, но мало ли? И что такое моя душа – эта штука, которую унесут ангелы? Тавифа говорила, душа – это дух, который не умирает с телом вместе, и в этом мне полагалось черпать ободрение.

Но какая она, моя душа? Я воображала, будто она в точности как я, только меньше: маленькая, как кукла-девочка в кукольном доме. Она внутри меня – может, она и есть заветное сокровище, которое Тетка Видала велела так зорко сторожить. Души можно лишиться, говорила Тетка Видала, сморкаясь, и тогда душа упадет за грань, и полетит в бездну, и вспыхнет пламенем, как козлиные мужчины. А такого поворота я не желала допустить ни в коем случае.

4

В начале следующего периода, который я опишу, мне было, вероятно, лет восемь или, может, девять. События я помню, точный возраст – нет. Трудно запоминать календарные даты, тем более что календарей у нас не было. Но я продолжу, как смогу.

Меня тогда звали Агнес Емима. Агнес – это «агнец», говорила моя мама Тавифа.

И читала стишок:

Агнец, милый Агнец,

Кем ты создан, Агнец?[5 - Первые строки стихотворения Уильяма Блейка «Агнец» (The Lamb), вошедшего в его сборник «Песни невинности» (Songs of Innocence, 1789), перев. Д. Смирнова-Садовского.]

Там еще было продолжение, только я его не помню.

Что до Емимы, это из Библии. Емима была очень особенная девочка, потому что на ее отца Иова Господь наслал несчастье – это было такое испытание, – и хуже всего то, что всех детей Иова убило. Всех его сыновей, всех его дочерей – убило![6 - «Приходит другой ‹вестник› и сказывает: сыновья твои и дочери твои ели и вино пили в доме первородного брата своего; и вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе» (Иов 1:18–19).] Всякий раз, когда я об этом слышала, меня мороз по коже подирал. Страшно подумать, что было с Иовом, когда ему сказали.

Но Иов выдержал испытание, и Господь подарил ему других детей – нескольких сыновей и трех дочерей, и Иов опять стал счастливым. А одной из этих дочерей была Емима[7 - «И было у него ‹Иова› семь сыновей и три дочери. И нарек он имя первой Емима, имя второй – Кассия, а имя третьей – Керенгаппух. И не было на всей земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их» (Иов 42:13–15).].

– Господь подарил ее Иову, как мне – тебя, – сказала мама.

– У тебя было несчастье? До того как ты меня выбрала?

– Да, – улыбнулась она.

– А ты прошла испытание?

– Видимо, – сказала мама. – Иначе как бы я выбрала такую прекрасную дочь?

Эта история мне была по нраву. Лишь позднее я задумалась: как Иов это допустил – чтоб Господь подсунул ему кучу новых детей и при этом ждал, что Иов прикинется, будто мертвых детей можно просто выбросить из головы?

Когда я была не в школе и не с мамой – а с мамой я бывала все реже, потому что она все чаще лежала в постели наверху, «отдыхала», как это называли Марфы, – я любила торчать на кухне, смотреть, как Марфы пекут хлеб, и печенье, и пироги, и пирожные, и варят супы, и томят жаркое. Все Марфы назывались Марфами, потому что они были Марфами[8 - «В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38–42).], они все носили одинаковую одежду, но у каждой было и собственное имя. Наших звали Вера, Роза и Цилла – у нас было три Марфы, потому что мой отец был очень важный человек. Я больше всех любила Циллу, потому что она говорила очень тихо, а Вера говорила резко, а Роза хмурилась. Она, правда, не виновата – это у нее просто лицо так было сделано. Она была из них самая старая.

– Давайте я помогу? – спрашивала я наших Марф.

Тогда они давали мне кусочки теста, и я с этим тестом играла, лепила из него человечка, а они потом запекали его вместе с остальным, что они там пекли. Я всегда лепила хлебных мужчин, а хлебных женщин никогда, потому что, когда их выпекали, я их съедала, и мне казалось, что так у меня есть тайная власть над мужчинами. Уже становилось понятно, что, невзирая на страсти, которые я, по словам Тетки Видалы, возбуждала в мужчинах, иной власти у меня над ними нет.

– А можно я испеку хлеб с самого начала? – как-то раз спросила я, когда Цилла доставала миску для теста. Я часто смотрела, как они пекут, – я была уверена, что умею.

– Тебе про это незачем думать, – сказала Роза, хмурясь больше обычного.

– Почему? – спросила я.

Вера засмеялась – получилось, как это за ней водилось, резко.

– У тебя для этого будут Марфы, – сказала она. – Когда тебе выберут хорошего жирного мужа.

– Он будет не жирный.

Жирного мужа я не хотела.

– Само собой. Это просто так говорится, – сказала Цилла.

– И за покупками тебе не надо будет ходить, – сказала Роза. – За покупками будут ходить твои Марфы. Или Служанка, если она тебе понадобится.

– Ей, может, и не понадобится, – сказала Вера. – Мать-то ее…

– Молчи, – сказала Цилла.

– Что? – спросила я. – Что моя мать?

Я знала, что про маму есть секрет – они так говорили «отдыхает», что сразу становилось ясно, – и это меня пугало.

– Просто она могла родить ребеночка сама, – успокоила Цилла, – так что наверняка и ты сможешь. Ты же хочешь родить ребеночка, правда, лапушка?

– Да, – сказала я, – только я не хочу мужа. По-моему, они мерзкие.

Марфы рассмеялись на три голоса.

– Не все, – сказала Цилла. – Твой отец – он тоже муж.

На это мне возразить было нечего.

– Уж позаботятся, чтоб у тебя был хороший муж, – сказала Роза. – Не просто завалящий какой-нибудь.

– Гордость-то надо поберечь, – сказала Вера. – За кого попало тебя не отдадут, даже и не думай.

Дальше мне вообще стало скучно думать про мужей.

– А если я захочу? – спросила я. – Печь хлеб? – Мне было обидно: они как будто очертили себя кругом, а меня не впускали. – А если я захочу печь хлеб сама?

– Само собой, Марфы тебе разрешат, куда им деваться? – сказала Цилла. – Ты же будешь в доме хозяйка. Но они тебя за это будут презирать. И решат, что ты занимаешь место, которое по праву принадлежит им. Не даешь им делать то, что они умеют лучше всех. Ты же не хочешь, лапушка, чтоб они так про тебя думали?

– И муж твой не обрадуется, – сказала Вера, опять испустив резкий смешок. – Для рук вредно. Ты на мои посмотри! – И она вытянула руки – пальцы узловатые, кожа шершавая, ногти короткие, с подранными кутикулами – совсем не как худые и изящные мамины руки с волшебным кольцом. – Тяжкая работенка – она для рук очень вредная. Муж ведь не захочет, чтоб от тебя тестом несло.

– Или отбеливателем, – сказала Роза. – От мытья.

– Он захочет, чтоб ты вышивкой всякой занималась, – сказала Вера.

– Мелкой гладью, – прибавила Роза. С насмешкой в голосе.

Вышивка мне давалась плохо. Меня вечно критиковали за рыхлые и неаккуратные стежки.

– Я ненавижу гладью. Я хочу печь хлеб.

– Не всегда можно делать, что хочется, – мягко сказала Цилла. – Даже тебе.

– А иногда приходится делать то, что ненавидишь, – сказала Вера. – Даже тебе.

– Ну и не разрешайте! – сказала я. – Вы вредные!

И я выскочила из кухни.

Я уже плакала. Мне велели не тревожить маму, но я все равно прокралась наверх к ней в спальню. Она лежала под прелестным белым покрывалом с синими цветами. Глаза у нее были закрыты, но, наверное, она меня услышала, потому что они открылись. Всякий раз, когда мы виделись, эти глаза были все громаднее и сияли все ярче.

– Что случилось, маленькая моя? – спросила мама.

Я заползла под покрывало и притулилась к ней. Она была очень горячая.

– Так нечестно, – всхлипнула я. – Я не хочу замуж! Почему я должна?

Она не сказала: «Потому что это твой долг», как ответила бы Тетка Видала, или: «Захочешь, когда время придет», – так ответила бы Тетка Эсте. Поначалу она не говорила ничего. Только обнимала меня и гладила по голове.

– Помни, что я тебя выбрала, – сказала она. – Тебя одну из всех.

Но я была уже большая и не верила в историю про то, как она меня выбрала, – про запертый замок, волшебное кольцо, злых ведьм, побег.

– Это просто сказка, – ответила я. – Я у тебя из желудка родилась, как все дети.

Она этого не подтвердила. Ни слова не сказала. И отчего-то это перепугало меня.

– Я же у тебя родилась из желудка? – спросила я. – Мне Сонамит рассказывала. В школе. Про желудки.

Мама обняла меня крепче.

– Что бы ни случилось, – помолчав, ответила она, – помни всегда, пожалуйста, что я тебя очень любила.

5

Вы, вероятно, и сами догадались, что было дальше – ничего хорошего дальше не было.

Мама умирала. Знали все, кроме меня.

Я узнала от Сонамит, которая утверждала, что она моя лучшая подруга. Лучших подруг нам не полагалось. Нехорошо сбиваться в замкнутые кружки, говорила Тетка Эсте: из-за этого другим девочкам кажется, будто их отталкивают, а мы все должны помогать друг другу стать идеальными девочками.

Тетка Видала говорила, что лучшие подруги – это значит перешептывания, и интриги, и секретики, а интриги и секретики – это значит, ты не повинуешься Богу, а неповиновение ведет к бунту, а маленькие бунтарки становятся взрослыми бунтарками, а взрослые бунтарки – это еще хуже, чем взрослые бунтари, потому что взрослые бунтари становятся изменниками родины, а взрослые бунтарки – прелюбодейками.

Тут раздался мышиный голосок Бекки, которая спросила:

– Что такое прелюбодейка?

Мы все удивились, потому что Бекка очень редко задавала вопросы. Отец ее не был Командором, как наши отцы. Он был всего-навсего стоматологом – самым лучшим стоматологом, все наши семьи к нему ходили, отчего Бекку и приняли в нашу школу. Но из-за этого другие девочки смотрели на нее сверху вниз, а она должна была их слушаться.

Бекка сидела со мной – она всегда старалась сесть со мной, если Сонамит ее не выпихивала, – и я чувствовала, как она дрожит. Я боялась, Тетка Видала накажет Бекку за то, что надерзила, но никто на свете, даже Тетка Видала, не смог бы упрекнуть Бекку в дерзости.

Сонамит перегнулась через меня и шепнула Бекке:

– Ты что, дура?

Тетка Видала улыбнулась – ну, в пределах своих возможностей – и сказала, мол, она надеется, что Бекка никогда не узнает этого на собственном опыте, поскольку тех, кто становится прелюбодейками, забивают камнями или вешают, нацепив им мешок на голову. Тетка Эсте сказала, что не надо пугать девочек почем зря; а потом улыбнулась и прибавила, что мы же цветы драгоценные, где вы видели бунтующие цветы?

Мы смотрели на нее, изо всех сил округляя глаза, изображая невинность, и кивали – мол, согласны. Тут у нас бунтующих цветов не проросло!

У Сонамит в доме была всего одна Марфа, а у нас три, так что мой отец был главнее. Теперь-то я понимаю, что она потому и хотела меня в лучшие подруги. Была она коротышка, с двумя длинными толстыми косами, которым я завидовала – у меня косички были тоньше и короче, – и черными бровями, с которыми она казалась взрослее своих лет. Она была задиристая, но лишь когда Тетки отвернутся. В наших спорах ей непременно надо было оставить последнее слово за собой. Если ей возражать, Сонамит снова повторяла то, что уже говорила, только громче. Со многими другими девочками она была груба, особенно с Беккой, и, к стыду своему, должна признаться, что мне недоставало сил ее унимать. Со сверстницами я выказывала слабость характера, хотя наши Марфы сказали бы, что я своевольная.

– Твоя мама умирает, да? – как-то раз в обед шепнула мне Сонамит.

– Ничего не умирает, – шепотом ответила я. – У нее просто такое состояние!

Так это называли Марфы: «состояние твоей матери». В этом своем состоянии мама очень много отдыхала и кашляла. В последнее время Марфы таскали ей подносы прямо в спальню; подносы возвращались с почти не тронутой едой на тарелках.

Меня к маме пускали редко. А когда пускали, у нее в спальне царил полумрак. И пахло не ею – не легкой сладостью лилейных хост в саду, – а как будто затхлый и грязный чужак пробрался в спальню и прячется под кроватью.

Я садилась подле мамы, свернувшейся калачиком под бело-сине-цветастым покрывалом, и брала ее за худую левую руку с волшебным кольцом, и спрашивала, когда закончится ее состояние, – она молится, отвечала мама, о том, чтобы у нее скорее прошла боль. Это утешало меня: значит, мама поправится. Потом она спрашивала, хорошо ли я себя веду, счастлива ли я, и на это я неизменно отвечала «да», а она сжимала мою ладонь и просила помолиться вместе с ней, и тогда мы пели песенку про ангелов, которые рядом с мамой. А потом она говорила «спасибо» – и на сегодня хватит.

– Она правда умирает, – прошептала Сонамит. – Вот у нее какое состояние. Умирание!

– Неправда! – прошептала я слишком громко. – Она поправляется. У нее скоро пройдет боль. Она об этом молилась.

– Девочки, – сказала Тетка Эсте. – Когда я ем, я глух и нем – за обедом наши рты жуют, а не разговаривают. Нам ведь повезло, что у нас такой вкусный обед, правда?

На обед были сэндвичи с яйцом – вообще-то, я их любила. Но в тот день меня мутило от одного их запаха.

– Я от моей Марфы слышала, – прошептала Сонамит, когда Тетка Эсте отвлеклась. – А ей сказала ваша Марфа. Так что правда.

– Какая наша Марфа? – спросила я.

Не верилось, что любая из наших Марф, даже хмурая Роза, может так вероломно наврать, будто мама умирает.

– Мне-то откуда знать? Все они Марфы, – ответила Сонамит, мотнув длинными толстыми косами.

В тот день, когда наш Ангел привез меня из школы домой, я пошла в кухню. Цилла раскатывала тесто для пирога; Вера разделывала курицу. На дальней конфорке побулькивал суп в кастрюле: туда отправятся лишние куриные запчасти, и все обрезки овощей, и кости. Наши Марфы еду расходовали экономно и ничего не выбрасывали.

Роза споласкивала тарелки в большой двойной раковине. В доме была посудомоечная машина, но Марфы включали ее, только если у нас ужинали Командоры, потому что, объясняла Вера, посудомоечная машина сжирает слишком много электричества, а с электричеством перебои, потому что война. Иногда Марфы называли ее войной на маленьком огне, потому что никак не закипает, или войной Колеса Иезекииля[9 - «И видел я: и вот четыре колеса подле Херувимов, по одному колесу подле каждого Херувима, и колеса по виду как бы из камня топаза. И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе. Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, и они туда шли; во время шествия своего не оборачивались. И все тело их, и спина их, и руки их, и крылья их, и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их» (Иез. 10:9–12).], потому что вечно крутится, а никуда не катится; но такое они говорили только промеж себя.

– Сонамит говорит, кто-то из вас сказал ее Марфе, что мама умирает, – выпалила я. – Это кто сказал? Что вы врете?

Все три бросили свои занятия. Как будто я махнула волшебной палочкой и всех заморозила: Циллу с поднятой скалкой, Веру с тесаком в одной руке и длинной бледной куриной шеей в другой, Розу с тарелкой и посудной мочалкой. Потом они переглянулись.

– Мы думали, ты знаешь, – мягко сказала Цилла. – Мы думали, мама тебе скажет.

– Или отец, – прибавила Вера.

Вот это прямо глупости, потому что как бы отец мне сказал? Он теперь почти не появлялся дома, а когда появлялся, одиноко ужинал в столовой или запирался в кабинете и занимался там своими важными делами.

– Мы тебе сочувствуем, – сказала Роза. – Твоя мать – добрая женщина.

– Образцовая Жена, – прибавила Вера. – Терпит свои страдания без единого слова жалобы.

Я уже плюхнулась за кухонный стол и плакала, закрыв лицо руками.

– Нам всем надлежит сносить недуги, что ниспосланы нам во испытание, – сказала Цилла. – Нельзя терять надежду.

«Надежду на что? – думала я. – На что тут надеяться? Впереди мне предстояли только утрата и тьма».

Мама умерла две ночи спустя, но я узнала лишь наутро. Я злилась на нее за то, что смертельно заболела, а мне не сказала, хотя она, в общем-то, сказала: она молилась, чтоб у нее скорее прошла боль, и ее молитва была услышана.

Когда я перестала злиться, от меня словно отрезали кусок – кусок сердца, наверняка он тоже умер. Я надеялась, что четыре ангела рядом с мамой все-таки были не понарошечные и унесли ее душу, как пелось в песенке. Я старательно воображала, как они возносят маму все выше и выше, в золотое облако. Но взаправду поверить не могла.

III

Гимн

Автограф из Ардуа-холла

6

Вчера вечером, готовясь ко сну, я распустила волосы – ну, что от них осталось. Неведомо сколько лет назад в одной из животворящих своих гомилий я внушала

нашим Теткам пагубность тщеты, коя прокрадывается в наши души, как ее ни порицай.

– Над жизнью власы не властны, – сказала я тогда лишь отчасти шутливо.

И это правда, но равно правда и то, что власы – тоже жизнь. Волосы – пламя телесной свечи, и оно убывает, когда усыхает и тает тело. Некогда мне хватало волос на пучок – во времена пучков; и на узел – в эпоху узлов. А сейчас волосы у меня – как наши трапезы в Ардуа-холле: скудны и коротки. Пламя жизни моей угасает – медленнее, чем кое-кому в моем окружении, вероятно, хотелось бы, но быстрее, чем им представляется.

Я вгляделась в свое отражение. Изобретатель зеркала мало кому из нас оказал услугу: наверняка мы были счастливее, пока не знали, как выглядим. «Могло быть хуже, – сказала я себе, – мое лицо не выдает слабости. Оно сохраняет кожистую текстуру, характерную родинку на подбородке, гравировку знакомых морщин». Я никогда не обладала легкомысленной прелестью, но в свое время была благообразна, чего больше обо мне не скажешь. Максимум, на что я могу рассчитывать, – солидная.

«Чем все кончится?» – гадала я. Доживу ли я до помаленьку позабытой старости, постепенно костенея? Обернусь ли собственной почетной статуей? Или рухнем и я, и режим, моя каменная копия падет вместе со мной, и нас уволокут прочь, продадут на сувениры, на украшение газона – предметом отвратительного китча?

Или меня отправят под суд, объявив чудовищем, поставят перед расстрельным взводом, повесят на фонаре, на обозрение публике? Разорвет ли меня толпа, насадит ли мою голову на кол, пронесет ли по улицам под хохот и улюлюканье? Это вполне вероятно – я внушаю немало ярости.

У меня пока есть некий выбор. Умирать или не умирать – выбора нет, но когда и как – есть. Это разве не своего рода свобода?

Ах да – и кого прихватить с собой. Список я уже составила.

Я очень ясно постигаю, как ты осуждаешь меня, читатель, – в том случае, если моя репутация меня обогнала и тебе стало ясно, кто я есть – или же кем была.

В моем настоящем времени я – легенда, живая, но не просто живая, мертвая, но не просто мертвая. Я – обрамленная голова, что висит в глубинах классных комнат у девочек, которым хватает высоты положения посещать классные комнаты: угрюмо улыбаюсь, безмолвно укоряю. Я – страшная бука, мною Марфы пугают малолетних детей: «Не будете хорошо себя вести, Тетка Лидия придет и вас заберет!» Вдобавок я образец морального совершенства – и для подражания: «А Тетка Лидия как велела бы вам поступить?» – я судья и арбитр в туманном недоумении фантазий: «А что бы на это сказала Тетка Лидия?»

Я от власти распухла, это да, но и затуманилась – я бесформенна, переменчива. Я везде и нигде: я тревожной тенью заволакиваю даже умы Командоров. Как мне вновь обрести себя? Как съежиться до нормальных размеров, до размеров обычной женщины?

Впрочем, может быть, время упущено. Делаешь первый шаг, а затем, дабы уберечься от последствий, делаешь следующий. В наше время есть только два пути: наверх или падай.

Сегодня было первое полнолуние после 21 марта. В прочем мире забивают и едят ягнят; также поглощают пасхальные яйца – связано это с неолитическими богинями плодородия, которых предпочитают не вспоминать.

Здесь, в Ардуа-холле, мы обходимся без ягнячьей плоти, а вот яйца оставили. По особому случаю я всех порадовала – разрешила покрасить яйца в младенческие цвета – розовый и голубой. Не представляете, сколько радости это принесло Теткам и Послушницам, собравшимся в Трапезной на ужин! Рацион наш рутинен, и небольшое разнообразие приходится кстати, пусть даже и цветовое.

После того как чаши пастельных яиц были внесены и удостоились восхищения, но, прежде чем мы приступили к нашему убогому застолью, я, как обычно, произнесла Благословение: «Благослови пищу сию на благо нам и не дай нам сбиться с Пути, да отверзнет Господь»[10 - «Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна» (Быт. 29:31); «И вспомнил Бог о Разили и услышал ее Бог, и отверз утробу ее» (Быт. 30:22).], –

а затем особое Благословение на Весеннее Равноденствие:

Как раскрывается год по весне, так пусть раскроются и сердца наши; да будут благословенны дщери наши, да будут благословенны Жены наши, да будут благословенны Тетки наши и Послушницы, да будут благословенны наши Жемчужные Девы, что посвятили себя миссионерскому служению за границей, и да изольется Милость Господня на падших Служанок наших, дабы они, наши сестры, искупили свои грехи телами своими и родильными трудами по воле Его.

И да будет благословенна Младеница Николь, – украденная своей матерью, коварной Служанкой, и сокрытая безбожниками в Канаде; и да будут благословенны все невинные, коих она олицетворяет, все обреченные на воспитание под водительством растленных. Мы помним и молимся о них. Да возвратится к нам Младеница Николь, молимся мы, – да вернет ее нам Милость Божья.

Per ardua cum estrus. Аминь.

Я довольна, что сварганила настолько обтекаемый девиз. «Ardua» – это «тернии» или «женский репродуктивный труд»? «Estrus» – это про гормоны или про языческие весенние ритуалы? Обитательницы Ардуа-холла не знают и не интересуются. Твердят правильные слова в правильном порядке, а посему спасены.

И вдобавок Младеница Николь. Пока я молилась о ее возвращении, все глаза устремлялись к ее портрету на стене позади меня. Полезная младеница: будоражит верных, внушает ненависть к нашим врагам, свидетельствует возможность измены внутри Галаада, а также злокозненность и хитроумие Служанок, коим нельзя доверять ни за что. И этим ее польза не исчерпывается, рассуждала я: в моих руках – попади она ко мне – Младенице Николь открылось бы ослепительное будущее.

Вот о чем я раздумывала под финальный гимн, согласно спетый трио наших молодых Послушниц. Голоса их были чисты и ясны, и все мы слушали с жадностью. Вопреки всему, что, вероятно, представляется тебе, мой читатель, в Галааде была красота. Отчего же нам было ее не алкать? Мы же все-таки тоже были люди.

Я вижу, что заговорила о нас в прошедшем времени.

Музыку позаимствовали из старого псалма, а вот слова были наши:

Пред Его Очами луч правды пронзит покров темноты,

Ведом нам всякий грех и ложь;

Мы будем следить, как выйдешь отсюда ты

И как ты войдешь.

Мы – тайным душевным порокам жестокий палач,

Ты Богу обязана жертвой – молись и плачь.

Мы сами клялись и требуем повиновенья во всем,

Мы не свернем с пути!

Мы с песнею в сердце служенье свое несем,

Даем клятву всегда нести.

Праздным мыслям и наслажденьям мы объявляем бой,

Отрекшись навеки от «я», мы пренебрегаем собой.

Банальны эти слова и лишены очарования, – я могу рассуждать, я же сама их сочинила. Но подобным гимнам и не следует быть поэзией. Им следует лишь напоминать поющим, сколь высокую цену придется заплатить, если собьешься с предуготовленной дороги. Мы в Ардуа-холле не славимся снисхождением к проступкам друг друга.

За пением последовало праздничное жевание. Я углядела, как Тетка Элизабет взяла на одно яйцо больше, чем ей положено, а Тетка Хелена взяла на одно меньше и еще удостоверилась, что все заметили. Что до Тетки Видалы, хлюпавшей в салфетку, я увидела, как ее покрасневшие глаза стрельнули в одну, в другую, потом в меня. Что она замышляет? Куда подует ветер?

После нашего скромного пира я безмолвной тропою под луной, мимо собственной затененной статуи отправилась в еженощное паломничество в Библиотеку Хильдегарды[11 - Хильдегарда Бингенская (1098–1179), святая Хильдегарда – немецкая монахиня, философ, мистик, писательница и музыкант, автор книг по медицине, настоятельница бенедиктинского монастыря Рупертсберг; веками почиталась как святая и была официально канонизирована как «Учитель Церкви» в 2012 г.] в дальнем конце Ардуа-холла. Вошла, поздоровалась с ночной библиотекаршей, миновала Общий Зал, где три наши Послушницы сражались с недавно обретенной грамотностью. Я прошла сквозь Читальный Зал, куда требуется особый допук, где в запертых шкатулках, во мраке испуская сокровенное сияние, угрюмятся Библии.

Затем я отомкнула запертую дверь и пробралась сквозь Генеалогический Архив Родословных с засекреченными данными. Необходимо записывать, кто с кем в родстве, официально и на деле: из-за системы Служанок ребенок у супружеской пары может и не быть биологически связан с элитной матерью или даже официальным отцом, ибо Служанка в отчаянии вполне может добиваться зачатия любыми путями. Наше дело – быть в курсе, поскольку надлежит препятствовать инцесту: Нечад нам и без того хватает. И вдобавок наше дело – ревностно охранять это знание: Архив – живое сердце Ардуа-холла.

В конце концов я добираюсь в свою святая святых, в глубинах отдела Запрещенной Мировой Литературы. У себя в шкафах я разместила свою личную коллекцию крамольных книг, нижним чинам недоступных. «Джейн Эйр», «Анна Каренина», «Тэсс из рода д’Эрбервиллей», «Потерянный рай», «Жизнь девушек и женщин»[12 - «Жизнь девушек и женщин» (Lives of Girls and Women, 1971) – цикл рассказов канадской писательницы Элис Манро, история взросления девушки в маленьком городке и ее отношений с матерью.] – если выпустить их на волю, какую смуту каждая из них посеет в душах Послушниц! Здесь же я храню еще кое-какие материалы, доступные очень немногим, – мне они видятся тайной историей Галаада. Не все то золото, что гниет, но из них можно извлечь выгоду и помимо денег: знание – сила, а компромат – и подавно. Не я первая это поняла, не я первая наживаюсь на этом при любой возможности: все спецслужбы мира давным-давно в курсе.

Уединившись, я достала свою зачаточную рукопись из тайника – прямоугольной дыры, вырезанной в одной из наших непристойных книг, «Apologia Pro Vita Sua: В защиту моей жизни» кардинала Ньюмена[13 - Джон Генри Ньюмен

(1801–1890) – английский богослов, писатель и поэт, англиканский священник, лидер Оксфордского движения, которое положило начало англокатолицизму; в 1845 г. перешел в католицизм, в 1879 г. стал кардиналом, а в 2019 г. канонизирован Католической церковью. Его трактат «В защиту моей жизни: ответ на памфлет под названием «Так что же имеет в виду доктор Ньюмен» (Apologia Pro Vita Sua, Being a Reply to a Pamphlet Entitled «What, Then, Does Dr Newman Mean?», 1864) был написан в ответ на критику англиканского священника Чарльза Кингсли.]. Этот весомый том больше никто не открывает: католицизм считается ересью, в одном шаге от вуду, так что едва ли кому придет в голову заглянуть внутрь. Хотя, если кто заглянет, я схлопочу пулю в затылок, да еще прежде времени, – я пока что отнюдь не готова попрощаться с этим миром. Если и когда момент настанет, я планирую помирать с музыкой – и погромче.

Обложку я выбрала нарочно, ибо чем же я тут занимаюсь, если не защищаю свою жизнь? Жизнь, которую проживаю. «Жизнь» – говорю я себе, – которую я проживаю, ибо выбора нет. Некогда, до прихода нынешнего режима, я и не думала защищать свою жизнь. Не видела нужды. Я была судьей, заседала в суде по семейным делам – должность, которой добивалась десятилетиями изнурительной работы и мучительного карьерного роста, – и суд вершила, как могла, беспристрастно. Трудилась на благо мира – как сама понимала это благо – в рамках своей профессии. Жертвовала на благотворительность, голосовала на выборах, федеральных и муниципальных, высказывала ценные мнения. Полагала, будто живу праведно; полагала, будто праведность моя заслуживает умеренного восхищения.

Я, впрочем, поняла, до чего ошибалась – и на этот счет, и насчет многого другого, – в тот день, когда меня арестовали.

IV

«Борзая модница»

Протокол свидетельских показаний 369Б

Мне сказали, шрам останется насовсем, но я почти поправляюсь, так что да, я думаю, сил мне сейчас хватит. Вы хотите, чтоб я рассказала, как впуталась в эту историю, и я попробую, только не знаю, с чего начать.

Начну перед моим днем рождения – ну, это я считала, что у меня день рождения. Нил и Мелани соврали – по велению души, желали только добра, но я ужасно злилась на них, когда узнала. Правда, злиться долго было нелегко, потому что они к тому времени уже погибли. На мертвых злиться можно, только с ними же никак не поговоришь о том, что они натворили, – то есть поговоришь, но в одно лицо. И я не только злилась, меня мучила совесть, потому что их убили, а я тогда думала, что виновата я.

Мне должно было исполниться шестнадцать. Больше всего я предвкушала, как мне выдадут водительские права. Я считала, для деньрожденного праздника я слишком взрослая, хотя Мелани всегда покупала мне торт с мороженым и пела «А звали ее Лили, Лилия Запада»[14 - Вариация народной ирландской и американской песни «Лилия Запада» («The Lily of the West») периода ранних колонистов, записывалась, помимо прочих, Джоан Баэз, Бобом Диланом, Бертом Дженшем, Марком Нопфлером, Peter, Paul and Mary и т. д.] – это старая песенка, в детстве я ее любила, а теперь смущалась. Торт мне потом достался – шоколадный торт, ванильное мороженое, все, как я люблю, – но тогда они уже в меня не лезли. Тогда Мелани уже больше не было.

В тот день рождения выяснилось, что я – фуфло. Ну, не фуфло, не как плохой фокусник, – липа, как липовый антиквариат. Я была подделка, меня подделали нарочно. Тогда я была совсем юная – казалось бы, с тех пор прошла доля секунды, а юность позади. Как стремительно меняется лицо – как время режет по нему, точно по дереву, как лицо твердеет. Прежних моих ясноглазых грез наяву больше нет. Я стала резче, сфокусировалась. Сузилась.

Нил и Мелани были моими родителями; держали лавку под названием «Борзая модница». Бывшие в употреблении шмотки – Мелани их называла «некогда любимые», потому что, говорила она, «употребление» означает «эксплуатацию». На вывеске снаружи была нарисована улыбающаяся розовая пуделиха в пышной юбке, с розовым бантом на голове и с магазинной сумкой в лапе. Внизу слоган,

курсивом и в кавычках: «И не подумаешь!» Это означало, что ношеная одежда жуть как хороша – и не подумаешь, что ношеная, но это полное вранье, потому что в основном-то одежда была фиговая.

Мелани говорила, что унаследовала «Борзую модницу» от своей бабушки. Еще она говорила, что да, вывеска старомодная, это понятно, но люди привыкли и менять ее было бы неуважительно.

Наша лавка стояла на Куин-Уэст, в кварталах, где прежде, говорила Мелани, только такое и было – текстиль, пуговицы и фурнитура, дешевые ткани, лавки «все за доллар». А теперь район облагораживался: втирались кафе с этичной торговлей и органикой, аутлеты крупных брендов, бутики. Мелани откликнулась на новые веяния, повесив на окно табличку «Носибельный арт». Но внутри лавка была битком набита всевозможными тряпками, которые носибельным артом ни за что не назовешь. Один угол был как бы дизайнерским, хотя взаправду дорогие вещи в «Борзую модницу» и не попадали. А в остальном – с миру по нитке. И кто только не приходил: молодежь, старики, приглядеть что подешевле, или пораритетнее, или просто поглядеть. Или продать что-нибудь: даже бездомные выторговывали пару-тройку долларов за футболки, прихваченные на гаражных распродажах.

Мелани работала на первом этаже. Одевалась в яркое – оранжевое, к примеру, или ослепительно-розовое, – потому что, говорила, такие цвета создают позитивную деятельную атмосферу, и, вообще, в душе она отчасти цыганка. Всегда бодрая, улыбчивая, но за магазинными воришками следила зорко. После закрытия сортировала и паковала: это на благотворительность, это на тряпки, это носибельный арт. Сортируя, напевала номера из мюзиклов – из старых, совсем давнишних. Любила «О, что за чудесное утро» и еще «Когда идешь сквозь бурю»[15 - И то и другое – песни из мюзиклов американского композитора Ричарда Роджерса и либреттиста Оскара Хаммерстайна II: «О, что за чудесное утро» («Oh, What a Beautiful Mornin’») – из мюзикла «Оклахома!» (Oklahoma!, 1943), «Когда идешь сквозь бурю» – а точнее, «Ты никогда не будешь одна» («You'll Never Walk Alone») – из мюзикла «Карусель» (Carousel, 1945).]. Меня ее пение бесило; сейчас стыдно.

Иногда у нее заканчивалось терпение: столько ткани – ткань была точно океан, накатывала валами и грозила потопить Мелани. Кашемир! Да кто купит кашемир, которому тридцать лет? «Кашемир с возрастом лучше не становится», – говорила она, в отличие от нее самой.

Нил носил бороду, седеющую и не всегда подстриженную, а волос у него было мало. На бизнесмена не походил, но занимался, как они выражались, «денежной стороной»: накладные, бухгалтерия, налоги. У него был кабинет на втором этаже – туда вел марш крытых резиной ступеней. У Нила были компьютер, и картотека, и сейф, но в остальном кабинет был какой-то не очень кабинетный: там было тесно и захламлено, как и в лавке, потому что Нил чего только не коллекционировал. Заводные музыкальные шкатулки – их у него было немало. Часы – куча разных часов. Старые арифмометры – такие, знаете, у которых ручку надо крутить. Пластмассовые игрушки, которые ходили или прыгали по полу, – медведи, лягушки, вставные челюсти. Диапроектор для цветных слайдов, каких давным-давно ни у кого нет. Фотоаппараты – Нил любил древние фотоаппараты. Некоторые, говорил, снимают лучше любых современных. У него был целый шкаф, а в нем одни фотоаппараты и больше ничего.

Как-то раз он не запер сейф, и я туда заглянула. Я думала, там пачки денег, а там ничего, только крохотная штучка из металла и стекла – я подумала, тоже игрушка, как прыгучие вставные зубы. Но мне было не видно, где она заводится, а трогать я побоялась, потому что она была старая.

– Можно с ней поиграть? – спросила я Нила.

– С чем поиграть?

– С игрушкой в сейфе.

– Не сегодня, – улыбнулся он. – Может, когда подрастешь.

А потом он захлопнул дверцу сейфа, и я позабыла странную мелкую игрушку, пока не настало время вспомнить и понять, что это было.

Нил чинил всякие вещи, но часто из этого ничего не получалось, потому что деталей не найти. Тогда вещи стояли на полках, «собирали пыль», говорила Мелани. Выбрасывать Нил ненавидел.

По стенам у него висели старые плакаты: «ВОЛЮ ДАЙ ГОВОРУНУ – КОРАБЛИ ПОЙДУТ КО ДНУ» со стародавней войны; женщина в комбинезоне играет бицепсом, доказывая, что и женщины способны собирать бомбы, – это с той же

войны давних дней; и один красно-черный, где человек и флаг. Нил говорил, это из России тех времен, когда она еще не стала Россией. Плакаты достались ему от прадеда, который жил в Виннипеге. Про Виннипег я не знала ничегошеньки – только что там холодно.

В детстве я обожала «Борзую модницу» – он был как пещера с сокровищами. Мне не полагалось ходить в кабинет Нила одной, потому что вдруг я буду «трогать вещи» и их сломаю. Но если под присмотром, мне разрешали играть с заводными игрушками, и музыкальными шкатулками, и арифмометрами.
А с фотоаппаратами нет, потому что, говорил Нил, они слишком ценные и, вообще, в них же нет пленки, толку-то?

Жили мы не над лавкой. Наш дом стоял далеко, в жилом районе, каких было немало, – такой, знаете, где есть старые бунгало, а есть дома поновее и побольше, которые построили на месте снесенных бунгало. Мы жили не в бунгало – у нас был второй этаж, со спальнями, – но все равно дом был не новый. Из желтого кирпича и совсем-совсем обыкновенный. Ничего в нем не было особенного – глянешь и забудешь. Сейчас я подозреваю, что так и было задумано.

8

По субботам и воскресеньям я часто торчала в «Борзой моднице», поскольку Мелани не хотела, чтоб я сидела дома одна. «Почему?» – стала спрашивать я, когда мне исполнилось двенадцать. «Потому что а вдруг пожар?» – отвечала Мелани. И вообще, оставлять детей дома одних незаконно. Тогда я возражала, что уже не ребенок, а она вздыхала и говорила, что я не разбираюсь, кто ребенок, а кто нет, и дети – большая ответственность, я вырасту и пойму. Потом она говорила, что у нее из-за меня разболелась голова, мы садились в ее машину и ехали в лавку.

В лавке мне разрешали помогать – сортировать футболки по размеру, лепить на них ценники, откладывать те, которые в стирку или на выброс. Это я любила: я сидела за столом в дальнем углу в легком облаке нафталина и смотрела, как в лавку заходят люди.

Не только покупатели. Иногда заходили бездомные, которым надо было в наш служебный туалет. Мелани их пускала, если знакомые, – особенно зимой. Один

пожилой бездомный заходил довольно часто. Носил твидовые пальто, которые покупал у Мелани, и вязаные безрукавки. К тринадцати годам я решила, что он криповый, – мы в школе проходили педофилов. Звали его Джордж.

– Зря ты пускаешь Джорджа в уборную, – сказала я Мелани. – Он извращенец.

– Лили, ну это жестоко, – ответила она. – С чего ты взяла?

Разговаривали мы дома, в кухне.

– Потому что извращенец. Вечно торчит в лавке. Попрошайничает прямо под дверью. И за тобой шпионит.

Я могла бы сказать, что он шпионит за мной, и тогда бы все подняли тревогу, но это была неправда. На меня Джордж и не смотрел.

Мелани засмеялась:

– Ничего не шпионит.

Я решила, что она наивная. Я была в том возрасте, когда родители из тех, кто знает все, вдруг превращаются в тех, кто не знает ничего.

Был еще один человек – она тоже заходила в лавку очень часто, но она была не бездомная. Лет сорока, наверное, или, может, ближе к пятидесяти – я не различала пожилых по возрасту. Обычно она носила черную кожаную куртку, черные джинсы и тяжелые ботинки; длинные темные волосы забирала назад и совсем не красилась. Смахивала на байкершу, только не настоящую – скорее на рекламу байкерши. Ничего не покупала – заходила через заднюю дверь и забирала одежду на благотворительность. Мелани говорила, они старые подруги, поэтому, когда Ада просит, трудно отказать. И вообще, утверждала Мелани, она отдает Аде только то, что сложно продать, и хорошо, если люди извлекут из этих вещей хоть какую-то пользу.

На благотворительницу Ада не походила. Не мягкая и улыбчивая – угловатая, и не ходила, а носилась. В лавке никогда надолго не задерживалась и всегда

забирала с собой пару картонных коробок с тряпьем – их она складывала в машины, которые парковала в проулке у нас на задах. Машины мне из-за стола было видно. Всякий раз машина была другая.

И случались посетители третьего рода – тоже приходили в «Борзую модницу» и ничего не покупали. Молодые женщины в длинных серебристых платьях и белых шляпках – называли себя Жемчужными Девами, говорили, что они миссионерки, посланы Галаадом творить богоугодные дела. Эти были гораздо криповее Джорджа. Обходили дозором центр города, беседовали с бездомными, заходили в лавки и всех донимали. Кое-кто им в ответ грубил, а Мелани никогда – потому что, говорила она, что толку-то?

Они всегда заявлялись парами. Носили белые жемчужные ожерелья и много улыбались, только не по правде. Всучивали Мелани брошюры с картинками – опрятные улицы, счастливые дети, закаты – и заглавиями, которые должны были заманить читателя в Галаад. «Падшая? Господь еще может тебя простить!» «Бездомная? В Галааде тебя ждет дом».

И всякий раз была хотя бы одна брошюра про Младеницу Николь. «Верните Младеницу Николь!» «Младенице Николь место в Галааде!» Нам в школе показывали документальное кино про Младеницу Николь: ее мать была Служанка и контрабандой вывезла Младеницу Николь из Галаада. Отец Младеницы Николь был крупной шишкой, ужасным каким-то галаадским Командором, так что вышел огромный скандал, и Галаад потребовал вернуть ребенка законным родителям. Канада сначала тянула резину, потом сдалась, пообещала, что постарается изо всех сил, но к тому времени Младеница Николь исчезла, и ее так и не нашли.

А теперь Младеница Николь стала лицом Галаада. На всех брошюрах Жемчужных Дев – одна и та же фотография. Ребенок и ребенок, ничего такого особенного, но в Галааде, рассказывала наша преподша, Младеница Николь считалась прямо-таки святой. И у нас она тоже стала иконой: на каждой антигалаадской акции протеста в Канаде мелькали ее фотография и лозунги «Младеница Николь! Символ свободы!». Или «Младеница Николь! Ведет верной дорогой!» «Младеница вас далеко заведет, ага», – думала я.

Я-то невзлюбила Младеницу Николь с тех пор, как писала про нее сочинение. Мне влепили тройбан: я написала, что обе стороны футболят ее туда-сюда, как мячик, и великие множества вздохнут с великим облегчением, если просто взять и ее вернуть. Преподша сказала, что я черствая, надо научиться уважать права и чувства других людей, а я сказала, что в Галааде тоже люди, их права и чувства уважать, что ли, не надо? Она вышла из себя и сказала, что это какой-то детский сад, и, пожалуй, это она по делу, я ее нарочно изводила. Но я злилась из-за тройбана.

Всякий раз Мелани брала у Жемчужных Дев брошюры и обещала выложить пачку на кассе. Порой даже возвращала им старые: Жемчужные Девы собирали остатки, чтоб раздавать в других странах.

– Ты это зачем? – спросила я у Мелани, когда мне исполнилось четырнадцать и я живее заинтересовалась политикой. – Нил говорит, мы атеисты. Чего ты им потакаешь?

У нас в школе было три курса по Галааду: кошмарная, кошмарная страна, где женщинам нельзя работать и водить машину, где Служанок насильно заставляют беременеть, как коров, только вот коровам в жизни больше повезло. Что за люди такие выступают за Галаад – наверняка же чудовища? Особенно если они женского пола.

– Почему нельзя сказать им, что они гадины?

– С ними бесполезно спорить, – ответила Мелани. – Они фанатички.

– Тогда я им сама скажу.

Мне казалось, я понимаю, что не так с людьми – особенно со взрослыми. Мне казалось, я могу их вразумить. Жемчужные Девы старше меня, все-таки не дети малые – как они могут верить в этот бред собачий?

– Нет, – обрубила Мелани. – Сиди тихо, к ним не выходи. Не разговаривай с ними.

– Почему? Я прекрасно могу…

– Они пудрят мозги таким вот девчонкам, заманивают в Галаад. Они скажут, что Жемчужные Девы помогают женщинам и девушкам. Будут взывать к твоему идеализму.

– Да я не куплюсь, ты что! – возмутилась я. – Бля, ну я же не безмозглая!

Обычно я при Мелани и Ниле не материлась, но иногда могла и ляпнуть.

– За языком следи, – сказала Мелани. – Некрасиво.

– Извини. Но я правда не безмозглая.

– Конечно, нет, – сказала она. – Но их не трогай. Они уйдут, если я возьму брошюры.

– А жемчуг у них настоящий?

– Липа, – сказала Мелани. – Они насквозь липовые.

9

Мелани много для меня делала, но все равно смутно попахивала. Она пахла, как цветочное мыло для гостей в чужом доме, куда я заехала ненадолго. То есть я вот о чем: она не пахла матерью.

В детстве одна из моих любимых книжек в школьной библиотеке была про человека, который угодил в волчью стаю. Человеку этому ни за что нельзя было мыться, потому что тогда с него смылся бы запах волчьей стаи и волки его прогнали бы. А нам с Мелани, наоборот, надо было обмазаться лишним слоем стайного запаха, который пометил бы нас как нас – нас-вместе. Только этого так и не случилось. К обнимашкам мы были не склонны.

Вдобавок Нил и Мелани не походили на других родителей. Слишком бережные со мной, точно я вот-вот разобьюсь. Точно я чья-то любимая кошка, а они со мной дежурят: на своей-то кошке особо не зацикливаешься, кошка и кошка, а вот чужая – другое дело, потому что, если чужая потеряется, совесть будет мучить

совсем иначе.

Или вот еще: у ребят в школе были фотографии – целая куча. Родители документировали их жизнь поминутно. У некоторых были даже фотки, где они рождаются, – кое-кто приносил на «Покажи и расскажи». Я считала, что это фу – кровь, громадные жирные ляжки, а между ними вылезает маленькая голова. И у других ребят были младенческие фотографии, сотнями. Чуть ребенок отрыгнет, какой-нибудь взрослый целит объективом и просит повторить – они все как будто проживали жизнь дважды, один раз по правде, второй для фото.

А я нет. Коллекция фотоаппаратов у Нила была крутая, но рабочих камер в доме не водилось. Мелани сказала, что все мои ранние фотографии сгорели в пожаре. Во что поверит только идиот, так что мне удалось.

Я сейчас расскажу вам, какую натворила глупость и про ее последствия тоже. Я собой не горжусь – сейчас понимаю, что сильно протупила. Но тогда не понимала.

За неделю до моего дня рождения должен был состояться марш протеста против Галаада. Оттуда контрабандой вывезли съемки очередной серии казней, показали по телику: женщин вешали за ересь, и за отступничество, и за то, что пытались переправить детей за границу, – по галаадским законам это измена родине. У нас в школе два старших класса освободили от уроков, чтоб мы пошли на марш под эгидой «Мирового общественного самосознания».

Мы сделали плакаты: ЗАПРЕТИТЬ ТОРГОВЛЮ С ГАЛААДОМ! СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ ЖЕНЩИН ГАЛААДА! МЛАДЕНИЦА НИКОЛЬ, ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА! Кое-кто из ребят подбросил зелени: ГАЛААД ОТРИЦАЕТ КЛИМАТОЛОГИЮ! ГАЛААД ХОЧЕТ НАС ПОДЖАРИТЬ! – и фотографии лесных пожаров, и мертвых птиц, и рыб, и людей. Чтобы нам там ненароком не досталось, с нами должны были пойти несколько учителей и родители-волонтеры. Я предвкушала – это же был мой первый марш протеста. И тут Нил с Мелани сказали, что мне туда нельзя.

– Это почему? – спросила я. – Все же идут!

– Ни в коем случае, – сказал Нил.

– Вы сами вечно твердите, что надо защищать свои принципы, – сказала я.

– Тут другое дело. Это небезопасно, Лили, – сказал Нил.

– Жизнь небезопасна, сами же говорите. И вообще, с нами будет толпа учителей. И это учеба – если не пойду, мне оценки снизят!

Это была натяжка, но Нил и Мелани хотели, чтоб я хорошо училась.

– Может, пусть пойдет? – сказала Мелани. – Попросим Аду сходить с ней?

– Я не ребенок, мне нянька не нужна.

– Ты что, совсем в бреду? – сказал ей Нил. – Там от журналистов будет не продохнуть! В новостях покажут!

Он сам себя тягал за волосы – ну, за остатки: верный признак, что нервничает.

– Так в том и смысл, – сказала я. Я сама нарисовала один из наших плакатов – большие красные буквы и черный череп. ГАЛААД = СМЕРТЬ МОЗГА. – И надо, чтобы в новостях показали!

Мелани зажала уши руками:

– У меня разболелась голова. Нил прав. Нет. Все, я сказала: нет. После школы поможешь мне в лавке, точка.

– Прекрасно, тогда еще под замок меня посадите.

Я умчалась к себе, грохнула дверью. Они меня не остановят.

Школа наша называлась Школой Уайл. Назвали в честь Флоренс Уайл, стародавней скульпторши[16 - Флоренс Уайл (1881–1968) – американо-канадская скульптор, дизайнер и поэт, соосновательница Канадского общества скульпторов, первая женщина, ставшая действительным членом Канадской королевской академии искусств (1938).], в центральном вестибюле висел ее

портрет. Предполагалось, что школа способствует развитию творческих наклонностей, говорила Мелани, а также постижению демократических свобод и самостоятельному мышлению, говорил Нил. Еще они оба говорили, что потому и записали меня туда, хотя в целом-то они против частных школ; однако в государственных уровень очень низкий, и мы, конечно, должны совершенствовать систему, но тем временем они не хотят, чтоб меня пырнул ножиком какой-нибудь малолетний барыга. Сейчас я подозреваю, что Школу Уайл они выбрали не поэтому. В Уайл было очень строго с посещаемостью – не прогуляешь. Так что Мелани и Нил всегда знали, где я.

Я не питала любви к Школе Уайл, но и ненависти тоже не питала. Школу надо было просто перетерпеть в ожидании настоящей жизни – а очертания этой жизни вот-вот прояснятся. Незадолго до того я хотела быть ветеринаром, лечить мелких животных, но эта мечта уже казалась мне ребячеством. Потом я решила стать хирургом, но посмотрела в школе видео про хирургию, и меня затошнило. Кое-кто у нас хотел стать певцом или дизайнером, выбирали всякие творческие штуки, но это было не для меня: мне медведь на ухо наступил и я неуклюжая.

В школе у меня были друзья: на посплетничать – девчонки, на списать домашку – те и другие. Я старалась получать оценки глупее, чем я есть – не хотела выделяться, – и домашки мои высоким спросом не пользовались. А вот спортзал и физкультура – там нормально, там можно было и преуспевать, и я преуспевала, особенно в тех видах спорта, где пригождались рост и скорость: баскетбол, например. В командных видах я была нарасхват. Но за пределами школы моя жизнь умещалась в узких рамках, потому что Нил и Мелани вечно дергались. Мне не разрешали бродить по торговым центрам, потому что там кишмя кишат наркоманы на крэке, говорила Мелани, и гулять в парках, говорил Нил, потому что там шныряют незнакомцы. Моя светская жизнь равнялась примерно нулю – она вся состояла из того, что мне разрешат, когда я стану старше. Дома у Нила было волшебное слово, и это было слово «нет».

Однако на сей раз я уступать не желала: я пойду на марш протеста и хоть вы мне что. Школа заказала нам пару автобусов. Мелани и Нил постарались мне помешать – позвонили директрисе, сказали, что запрещают, и директриса велела мне остаться, и я заверила ее, что, конечно, все понимаю, без вопросов, я подожду Мелани, она заедет на машине и меня заберет. Но всех поименно проверял только водитель автобуса, а он не знал, кто есть кто, и все бродили туда-сюда, а родители и учителя не вникали и не знали, что мне ехать не положено, поэтому я обменялась пропусками с одной нашей баскетболисткой,

которая не хотела ехать, и вместо нее проникла в автобус, страшно довольная собой.

10

Поначалу на марше протеста было захватывающе. Проходил он в центре города, у здания Законодательного собрания, только получился никакой не марш, никто никуда не маршировал – все тесно сбились в одну кучу. Разные люди толкали речи. Канадская родственница женщины, которая умерла в Галаадских колониях на радиационной очистке, говорила про рабский труд. Председатель «Жертв геноцида в Галаадских Землях Предков» рассказал про марш-броски в Северную Дакоту, где людей сгоняли, все равно что овец, в огороженные города-призраки, без еды, без воды, и как они там гибли тысячами, и как люди рисковали жизнью, уходили на север, к канадской границе, среди зимы, и он показал кисть, на которой недоставало пальцев, и сказал: «Обморожение».

Потом представительница «СанктОпеки» – организации, опекающей беженок из Галаада, – говорила про тех, у кого отняли детей, и что это жестоко, и что, если пытаешься вернуть ребенка, тебя обвиняют в непочтении к Богу. Я не все речи слышала, потому что усилители иногда вырубались, но смысл в целом уловила. Полно было плакатов с Младеницей Николь: «ВСЕ МЛАДЕНЦЫ ГАЛААДА – МЛАДЕНИЦА НИКОЛЬ!»

Потом наша школьная делегация что-то покричала и подняла плакаты, и у разных людей тоже были всякие плакаты: ДОЛОЙ ГАЛААДСКИХ ФАШИСТОВ! УБЕЖИЩЕ НЕМЕДЛЕННО! Тут явились провокаторы с другими плакатами: ЗАКРЫТЬ ГРАНИЦУ! ГАЛААД, ОСТАВЬ СЕБЕ ШЛЮХ И ВЫРОДКОВ, НАМ СВОИХ ХВАТАЕТ! ОСТАНОВИТЬ ВТОРЖЕНИЕ! КУРТИЗАНКИ, ВОН! Среди них была стайка этих Жемчужных Дев в серебристых платьях и при жемчугах с плакатами «СМЕРТЬ ДЕТОКРАДАМ!» и «ВЕРНИТЕ МЛАДЕНИЦУ НИКОЛЬ». Наши кидались в них яйцами и гикали, когда попадали в цель, но Жемчужные Девы только улыбались – остекленело, как за ними водится.

Завязались потасовки. Группа людей в черном и с платками на лицах уже била витрины. Вдруг возникла толпа полицейских в защитном обмундировании. Вот прямо откуда ни возьмись. Они грохотали дубинками по щитам и надвигались, и этими дубинками били и детей, и всех остальных.

До этого меня распирало от восторга, а тут стало страшно. Я хотела выбраться, но меня сплющило так, что не шевельнуться. Мои одноклассники все куда-то подевались, а толпа запаниковала. Люди накатывали волнами, туда и сюда, визжали и орали. Мне чем-то заехали в живот – я думаю, локтем. Я задыхалась, и из глаз потекли слезы.

– Сюда, – проскрипел голос позади меня.

Ада. Она цапнула меня за воротник и поволокла за собой. Не знаю, как она расчищала дорогу, я думаю, пиналась. А потом мы очутились на улице позади массовых беспорядков, как это потом назвали по телевизору. Я смотрела репортаж и думала: вот, значит, что такое – оказаться посреди массовых беспорядков; как будто тонешь. Правда, я никогда не тонула.

– Мелани сказала, ты можешь быть здесь, – сообщила Ада. – Я везу тебя домой.

– Нет, но… – сказала я. Не хотела признаваться, что страшно.

– Сию секунду. В темпе вальса. Никаких «если» и «но».

В тот вечер я увидела себя в новостях: я держала плакат и кричала. Я думала, Нил и Мелани рассвирепеют, но нет. Они перепугались.

– Зачем ты так? – спросил Нил. – Мы же сказали, ты что, не слышала?

– Вы всегда говорите, что надо выступать против несправедливости, – сказала я. – И в школе тоже так говорят.

Я понимала, что перешла грань, но извиняться не собиралась.

– Что будем делать? – спросила Мелани, но не меня, а Нила. – Лили, принеси мне воды, будь добра. Там в холодильнике есть лед.

– Может, все не так плохо, – сказал Нил.

– Рисковать нельзя, – услышала я ответ Мелани. – Надо переезжать – типа вчера. Я звоню Аде, она найдет фургон.

– Вот так сразу резерва нет, – сказал Нил. – Не получится…

Я вернулась со стаканом воды.

– Что такое? – спросила я.

– А уроки тебе делать не нужно? – спросил Нил.

11

Спустя три дня кто-то влез в «Борзую модницу». В лавке стояла сигнализация, но взломщики вошли и вышли, не успел кто-нибудь приехать, в чем, собственно, и есть проблема с сигнализациями, сказала Мелани. Никаких денег в лавке не нашли, наличку Мелани там никогда не хранила, но забрали какой-то носибельный арт и разнесли вдребезги кабинет Нила – все папки по полу расшвыряли. И прихватили с собой кое-что из его коллекций – часы, старые фотоаппараты, антикварного заводного клоуна. Лавку подожгли, но по-любительски, сказал Нил, так что пожар быстро потушили.

Приходила полиция и спрашивала, есть ли у Нила и Мелани враги. Они сказали, что нет и ничего страшного, это, наверное, бездомные залезли, искали деньги на наркотики, но я видела, что они переживают: они так разговаривали, как обычно, когда не хотели, чтоб я услышала.

– Забрали фотоаппарат, – как раз говорил Нил Мелани, когда я вошла в кухню.

– Какой фотоаппарат? – спросила я.

– Да просто один старый фотоаппарат, – сказал Нил. И опять давай тягать себя за волосы. – Правда, редкий.

С того дня они оба психовали все больше. Нил заказал в лавку новую сигнализацию. Мелани сказала, что, может быть, мы переедем в другой дом, но

я стала расспрашивать, и она прибавила, что это она просто подумала. Про взлом Нил сказал: «Ни малейшего ущерба». Несколько раз повторил, отчего я задумалась, каков же был ущерб помимо исчезновения его любимого фотоаппарата?

Вечером после взлома Нил и Мелани смотрели телик. Обычно-то они его не смотрели – он просто всегда работал, – а тут прямо впились в него.

Жемчужная Дева, в новостях названная просто «Тетка Адрианна», найдена мертвой в квартире многоэтажного дома, которую она снимала вместе с другой Жемчужной Девой. Висела на дверной ручке, ее собственный серебристый пояс обернут вокруг шеи. С момента смерти прошел не один день, сказал судмедэксперт. Владелец другой квартиры почуял запах и сообщил в полицию. По версии полиции, совершено самоубийство: самоудавление подобным способом – распространенный метод.

Показали портрет умершей Жемчужной Девы. Я вгляделась повнимательнее: иногда Жемчужных Дев трудно было различать, они же все одинаково одеты, но я вспомнила, что эта Дева недавно заходила в «Борзую модницу», приносила брошюры. И ее партнерша тоже – звали ее «Тетка Салли», и она, отметил телеведущий, пропала без следа. Ее портрет тоже показали: полиция просила при обнаружении сообщить. Консульство Галаада комментариев пока не дало.

– Какой ужас, – сказал Нил Мелани. – Бедная девочка. Просто катастрофа.

– Почему? – спросила я. – Жемчужные Девы работают на Галаад. И ненавидят нас. Все знают.

Тут они оба на меня посмотрели. Как бы описать этот взгляд? Безутешный, пожалуй. Я опешила: им-то что до нее?

По-настоящему плохое случилось в мой день рождения. Утро началось, как будто все нормально. Я проснулась, надела клетчатую зеленую форму Школы Уайл… я не сказала? У нас была форма. На зеленые носки натянула черные ботинки со шнурками, волосы забрала в хвост, как полагалось носить в школе – никаких распущенных локонов, – и сошла вниз.

Мелани была в кухне – у нас там стоял гранитный островок. Мне больше нравилось не так, а как у нас в школьной столовке – столешница из стекла и эпоксидки, сквозь эпоксидку видно, что внутри, а в столовке внутри одной столешницы был скелет енота, поэтому всегда было на что посмотреть.

За кухонным островком мы обычно и ели. Столовая-гостиная у нас тоже была. Считалось, что она для праздников, но Мелани и Нил не устраивали праздников – они устраивали совещания по разным общественно полезным поводам. Накануне вечером приходили люди: на столе так и остались кофейные чашки и тарелка с крошками от крекеров и сморщенными виноградинами. Что за люди приходили, я не видела, потому что отсиживалась у себя наверху, пряталась от последствий того, что натворила. Было ясно, что это я не просто ослушалась.

Я вошла в кухню и села у островка. Мелани стояла ко мне спиной – смотрела в окно. Из окна видно было наш двор – круглые бетонные кадки с кустами розмарина, патио с садовым столом и стульями, а дальше перекресток.

– Доброе утро, – сказала я.

– Ой! Лили! – сказала Мелани, развернувшись. – А я тебя не слышала! С днем рождения! Шестнадцать – большое дело!

Нил спустился к завтраку, когда мне уже пора было в школу. До этого он наверху говорил по телефону. Я немножко обиделась, но не особо: он был очень рассеянный.

Отвезла меня, как обычно, Мелани: она возражала против того, чтоб я ездила в школу одна на автобусе, хотя остановка была прямо у нашего дома. Сказала – как обычно, – что едет в «Борзую модницу», может и меня заодно подвезти.

– Сегодня будет деньрожденный торт, с мороженым, – сказала она, задрав тон в конце фразы, словно вопрос задавала. – Я за тобой заеду после школы. Мы с Нилом хотим кое-что тебе сказать – ты уже взрослая.

– Ладно, – ответила я.

Думала, речь пойдет про мальчиков и что такое согласие, а я об этом наслушалась в школе. Неловкий предстоит разговор, но придется перетерпеть.

Я хотела извиниться за то, что пошла на марш протеста, но тут мы подъехали к школе, и я не извинилась. Молча вылезла из машины; Мелани подождала, пока я дойду до дверей. Я ей помахала, и она помахала в ответ. Не знаю, почему я так сделала, – обычно-то не махала. Наверное, это я как бы извинилась так.

Что было в школе, я толком не помню – ну а с чего мне помнить? Нормальный был день. Нормальный – это как из окна машины смотреть. Все пролетает мимо, такое, сякое, всякое, разное, ничего особенного. Эти часы не запоминаешь – они привычны, как чистить зубы.

За обедом в столовке несколько моих друзей по домашке спели «С днем рожденья тебя». Еще кто-то похлопал.

Потом день пошел к вечеру. Воздух застыл, часы застопорились. Я сидела на французском, где нам задали читать страницу из одной новеллы Колетт – из «Мицу»[17 - Колетт (Сидони-Габриэль Колетт, 1873–1954) – французская писательница, классик французской литературы, звезда Прекрасной эпохи, с 1945 г. – член Гонкуровской академии, а с 1949 г. – ее президент. «Мицу» (Mitsou) – ее новелла 1919 г.], про звезду мюзик-холла, которая прячет у себя в гардеробе мужчин. Мало того что новелла была французская, она еще якобы повествовала о том, сколь ужасна была прежде женская жизнь, однако я не заметила в жизни Мицу ничего особо ужасного. Прятать в шкафу красивого мужчину я бы тоже не отказалась. Но, даже знай я такого мужчину, куда бы я его запрятала? Вряд ли в шкаф у себя в спальне – Мелани просечет на раз-два-три, а если и нет, мужчину ведь надо чем-то кормить. Об этом я некоторое время поразмыслила: что удастся стащить тайком от Мелани? Сыр и крекеры? Секс с мужчиной исключается: слишком рискованно выпускать его из шкафа, а я к нему туда не влезу – места нет. В школе я часто грезила наяву – под грезы время шло быстрее.

В том и была моя проблема. Я никогда ни с кем не встречалась, потому что мне не попадались те, с кем хотелось бы встречаться. И откуда бы им взяться? Парни из Школы Уайл – и речи быть не могло: я училась с ними с первого класса, видела, как они ковыряют в носу, некоторые даже в штаны писались. Какая романтика, если представляешь себе такое?

На меня навалилось уныние – в день рождения это бывает: ждешь волшебных превращений, а никаких превращений нет. Чтобы не заснуть, я дергала себя за волосы, за правым ухом, щипала по два-три волоска. Я знала, что, если дергать слишком часто в одном месте, то там может получиться лысинка, но эта привычка завелась у меня всего за несколько недель до того.

В конце концов время истекло и можно было домой. Коридором, обшитым полированными панелями, я дошла до парадной двери и выступила наружу. Моросило; я не взяла плащ. Оглядела улицу – машина Мелани меня не поджидала.

И вдруг рядом возникла Ада в черной кожаной куртке.

– Пошли. Давай в машину.

– Что? – переспросила я. – Почему?

– Нил и Мелани. Кое-что случилось.

Я посмотрела ей в лицо и мигом поняла: случилось что-то совсем плохое. Будь я постарше, я бы спросила тут же, но я не спросила – я хотела оттянуть момент, когда узнаю, что же это. В книжках мне попадались слова безымянный ужас. Прежде это были просто слова, а в тот миг именно он меня и накрыл.

Когда мы сели и машина тронулась, я сказала:

– У кого-то инфаркт?

Больше в голову ничего не пришло.

– Нет, – сказала Ада. – Слушай меня внимательно и не психуй. Домой тебе нельзя.

В животе стало еще ужаснее.

– Что такое? Там пожар?

– Взрыв, – сказала она. – Заминировали машину. Перед «Модницей».

– Блин. Лавку разнесло? – спросила я.

Мало нам взлома.

– Машину Мелани. И она, и Нил были в машине.

С минуту я сидела молча; я ничего не понимала. Какому маньяку приспичило убивать Нила и Мелани? Они же такие обыкновенные.

– То есть что, они умерли? – наконец спросила я.

Меня трясло. Я пыталась вообразить взрыв, но перед глазами была лишь пустота. Черный квадрат.

V

Фургон

Автограф из Ардуа-холла

12

Кто ты, мой читатель? И когда ты? Быть может, завтра, быть может, спустя полвека, быть может, никогда.

Не исключено, что ты – какая-нибудь Тетка из Ардуа-холла, наткнулась на это повествование ненароком. Пережив мгновение ужаса пред лицом моей греховности, сожжешь ли ты эти страницы, дабы сохранить нетронутым мой беспорочный образ? Или поддашься вселенской жажде власти и помчишься к Очам[18 - «Ибо очи Господа обозревают всю землю» (2 Пар. 16:9). «На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых» (Притч 15:3).] стучать на меня?

Или ты заграничный шпион, что роется в архивах Ардуа-холла, когда этот режим уже пал? В каковом случае коллекция компрометирующих документов, которые я собираю столько лет, всплывет не только на моем суде – если судьба злокозненна и если я доживу до появления на оном, – но и на судах многих прочих. Я почитаю своей обязанностью знать, где захоронены трупы.

Сейчас ты, вероятно, гадаешь, как я избежала гибели в чистках от рук вышестоящих – если не в первые дни бытования Галаада, то хотя бы позднее, когда пауки в своей банке достигли степенной зрелости. К тому времени уже немало прежних патрициев болтались на Стене, ибо те, кто занял высочайшую вершину, позаботились о том, чтобы никакой амбициозный соперник их оттуда не спихнул. Тебе, вероятно, представляется, что, будучи женщиной, я была особо уязвима пред подобными веяниями, однако ты ошибаешься. Просто-напросто, будучи женщиной, я выпала из списка потенциальных узурпаторов, поскольку ни одной женщине в Совет Командоров ходу нет: парадоксальным образом с этого фланга я была прикрыта.

Но моему политическому долгожительству имеются еще три причины. Во-первых, режиму я нужна. Женской стороной всего предприятия я правлю железной рукой в кожаной перчатке под шерстяной варежкой, и я слежу за порядком: позиция моя уникальна, как у евнуха в гареме. Во-вторых, мне слишком многое известно о вождях – слишком много грязи, – а они не знают наверняка, что я сделала с этой грязью в смысле документирования. Если меня вздернуть, не просочится ли грязь наружу? Они вполне могут подозревать, что я заранее приняла меры – и тут они правы.

В-третьих, я неболтлива. Всякий туз считает, что доверять мне тайны безопасно, однако – и окольным манером я даю это понять – лишь коль скоро в безопасности я сама. В систему сдержек и противовесов я верю много лет.

Невзирая на эти меры, расслабляться негоже. Галаад – земля скользкая, несчастья приключаются здесь на каждом шагу. Мой погребальный панегирик уже кем-то составлен – это как пить дать. Я вздрагиваю: кто прошелся по моей могиле?

Времени, умоляю я пустой воздух, еще чуточку времени. Мне больше ничего не надо.

Вчера пришло нежданное приглашение на приватную беседу с Командором Джаддом. Подобное приглашение я получаю не впервые. В ранних наших встречах приятного было мало; другие же, более поздние, были взаимовыгодны.

Шагая лоскутом хилой травы, что покрывает территорию между Ардуа-холлом и штаб-квартирой Очей, затем взбираясь – не без труда – на склон по внушительной белой лестнице, что ведет к многоколонному парадному входу, я гадала, какой окажется эта встреча.

Должна признаться, сердце мое билось быстрее обычного, и не только лестница тому виной: не все, кто переступал этот порог, выходили назад.

Очи воцарились в бывшей громадной библиотеке. Здесь больше не хранятся книги, кроме их собственных, – изначальное содержимое сожжено или, если представляло ценность, дополнило частные коллекции всевозможных вороватых Командоров. Тщательно изучив Писание, я теперь могу привести главу и стих, где говорится о пагубе присвоения добычи, запретной пред Господом[19 - «И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд. 1:22–23).], однако благоразумие – главное достоинство храбрости[20 - Слегка искаженная цитата из: Уильям Шекспир. Генрих IV. Часть 1, акт V, сцена 4, перев. Е. Бируковой.], так что я воздерживаюсь.

С удовольствием сообщаю, что никто не тронул фрески по сторонам от внутренней лестницы этого здания: изображают они погибших солдат, ангелов и лавровые венки, а посему вполне благочестивы и считаются приемлемыми, хотя флаг былых Соединенных Штатов Америки на правой фреске закрасили флагом Галаада.

С первой нашей встречи Командор Джадд многого в жизни добился. Муштровать галаадских женщин для его эго слишком мелко и надлежащего пиетета не вызывает. А вот Командора, руководящего Очами, страшатся повсеместно. Кабинет у него в глубине здания, где некогда располагались книгохранилище и рабочие места научных сотрудников. В центре двери – крупное Око с настоящим хрусталем в зрачке. Так Командору видно, кто вот-вот к нему постучится.

– Заходите, – сказал он, едва я подняла руку.

Два сопровождавших меня младших Ока сочли это приказом удалиться.

– Дражайшая Тетка Лидия, – сказал Командор Джадд, просияв мне улыбкой из-за гигантского стола. – Спасибо, что навестили мой скромный кабинет. Надеюсь, вы здоровы?

Надеется он на другое, но придираться я не стала.

– Хвала, – ответила я. – А вы? А ваша Жена?

Эта Жена протянула дольше обычного. Жены его имеют свойство умирать: подобно царю Давиду и всевозможным наркобаронам Центральной Америки, Командор Джадд свято верит в целебную силу молодых женщин. Всякий раз, выдержав пристойный период траура, он сообщает, что ищет новую малолетнюю невесту. Тут надо понимать: сообщает он об этом мне.

– И я, и моя Жена здоровы, хвала Господу, – ответил он. – У меня для вас чудесные новости. Садитесь, прошу вас.

Я так и поступила и приготовилась внимательно слушать.

– Наши агенты в Канаде успешно идентифицировали и ликвидировали двух крайне активных оперативников подполья «Мой день». Работали под прикрытием – держали лавку подержанной одежды в сомнительном районе Торонто. Предварительный осмотр помещения наводит на мысль, что эти люди были ключевыми пособниками Подпольной Женской Дороги[21 - Парафраз названия «Подпольная (она же Подземная) Железная Дорога» – тайная система организации побегов чернокожих рабов из южных американских штатов на Север и в Канаду в период перед Гражданской войной в США. Была создана освободившимися рабами и белыми аболиционистами, среди которых было немало квакеров. Все элементы системы назывались в согласии с железнодорожной метафорой: в частности, в ней имелись «станции», «проводники» и «партии товара», подлежавшие переброске.].

– Провидение к нам благосклонно, – сказала я.

– Операцию провели наши молодые и энергичные канадские агенты, но путь им указали ваши Жемчужные Девы. Весьма полезно было с вашей стороны поделиться плодами их женской интуиции.

– Они наблюдательны, хорошо обучены и послушны, – сказала я.

Жемчужных Дев я и придумала: в прочих религиях есть миссионеры – а нам что мешает? И прочие миссионеры обеспечивают приток новообращенных – а нам что мешает? И прочие миссионеры собирают информацию, плодотворную для шпионажа, – а нам что мешает? – но, поскольку я не дура или, во всяком случае, не такая дура, я ни словом не возразила, когда Командор Джадд поставил этот план в заслугу себе. Официально Жемчужные Девы ходят с докладом ко мне одной, ибо неприлично Командору вникать в подробности женской, по сути дела, работы, однако я, разумеется, должна передавать ему все, что сочту необходимым или неотвратимым. Перебор данных – и я лишусь власти, недобор – и окажусь под подозрением. Завлекательные брошюры Жемчужных Дев пишутся нами, верстаются и печатаются в маленькой типографии в одном из подвалов Ардуа-холла.

Мой проект с Жемчужными Девами возник в критический для Командора Джадда период, как раз когда невозможно стало отрицать его абсурдное фиаско с Землями Предков. Международные правозащитные организации обвиняли нас в геноциде, и от этих упреков Галаад конфудливо ерзал; поток беженцев из Первой Земли Предков, из Северной Дакоты через канадскую границу стал необорим, а нелепая афера Джадда под названием «Паспорт Белизны» провалилась под шквалом подделок и мздоимства. Запуск проекта с Жемчужными Девами спас его шкуру, хотя я с тех пор не раз задумывалась, мудро ли было ее спасать. Джадд мне задолжал, но может статься, что это минус. Не все любят быть в долгу.

В ту минуту, впрочем, Командор Джадд расточал улыбки.

– Они поистине Драгоценные Жемчужины[22 - «Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф. 13:45–46).].
А поскольку два оперативника «Моего дня» выведены из строя, у вас, будем

надеяться, головной боли станет меньше – меньше Служанок убежит.

– Хвала.

– Нашу блистательную операцию точечного уничтожения и очищения мы, разумеется, публично не объявим.

– Ее все равно повесят на нас, – ответила я. – И канадцы, и зарубежные СМИ. Естественно.

– А мы будем все отрицать, – сказал он. – Естественно.

Повисла пауза – мы глядели друг на друга через стол, точно шахматисты, пожалуй, или старые товарищи – ибо мы оба пережили три волны чисток. Одно это выковало между нами некие узы.

– Меня тем не менее кое-что смущает, – сказал он. – У этих двух террористов из «Моего дня» должен быть пособник в Галааде.

– Неужели? Быть такого не может! – вскричала я.

– Мы проанализировали все известные побеги, и высокий процент успеха не объясняется ничем, кроме утечек. Некто в Галааде – некто, имеющий доступ к данным о дислокации сотрудников наших служб безопасности, – наверняка передает информацию Подпольной Женской Дороге. На каких маршрутах КПП, где, скорее всего, чисто – в таком духе. У нас война, и, как вы знаете, сухопутный личный состав рассеян, особенно в Вермонте и Мэне. Нам требуется усилить свое присутствие в других районах.

– Кто в Галааде способен на подобное коварство? – спросила я. – Предать нашу будущность!

– Мы над этим работаем, – ответил он. – А между тем, если вам что-нибудь придет в голову…

– Конечно.

– И еще кое-что, – прибавил он. – Тетка Адрианна, Жемчужная Дева, найдена мертвой в Торонто.

– Да. Сердце кровью обливается, – сказала я. – Что-то прояснилось?

– Ждем новостей из консульства. Я вам сообщу.

– Помогу всеми силами. Можете на меня рассчитывать, сами знаете.

– Вы моя опора, дорогая Тетка Лидия. Цена ваша воистину выше жемчугов[23 - «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов» (Притч 31:10).].

Комплименты я люблю, чем я хуже прочих?

– Благодарю вас, – сказала я.

Жизнь моя могла сложиться совсем иначе. Если б только я огляделась, посмотрела шире. Если б только я пораньше собрала вещички, как некоторые, и уехала из страны – страны, которую по глупости полагала той же самой страной, где мне годами было место.

От подобных сожалений толку чуть. Снова и снова я делала выбор, после чего выбора всякий раз оставалось меньше. В тот день на распутье в осеннем бору путь я хоженый выбрала себе[24 - Аллюзия на стихотворение американского поэта Роберта Фроста «Другая дорога» (The Road Not Taken, 1916): «В тот день на распутье в осеннем бору… путь я нехоженый выбрал себе», перев. Н. Винокурова.]. Он был завален трупами, что на таких путях – обычное дело. Но, прошу заметить, моего трупа там нет.

В этой моей исчезнувшей стране дела шли под откос многие годы. Потопы, пожары, торнадо, ураганы, засухи, дефицит воды, землетрясения. Перебор того, недобор сего. Ветшающая инфраструктура: почему не закрыли атомные реакторы, зачем тянули, пока не стало поздно? Экономика рушилась, плюс безработица, плюс падение рождаемости.

Люди испугались. Потом озлились.

Отсутствие действенных мер. Поиск тех, на кого можно свалить вину.

Почему я считала, что жизнь все равно будет двигаться по накатанной? Потому, видимо, что мы слушали все это годами. Не верится, что небо падет на землю, пока осколок неба не долбанет по голове.

Арестовали меня вскоре после теракта Сынов Иакова, который уничтожил Конгресс. Исламисты поначалу говорили нам: объявили чрезвычайное положение, но сказали, мол, живите, как прежде, Конституцию скоро вернут, а чрезвычайное положение быстро отменят. Что и случилось, однако иначе, нежели мы предполагали.

Жара в тот день стояла зверская. Суды закрылись – временно, уверяли нас, пока не выстроили действующую систему инстанций и не восстановили верховенство права. Несмотря на это, кое-кто пришел на работу: раз время освободилось, можно и разгрести накопившиеся бумаги – во всяком случае, таким предлогом пользовалась я. На самом деле просто хотелось побыть с людьми.

Странно, что у наших коллег-мужчин подобной нужды не возникало. Может, они находили утешение в кругу жен и детей.

Я читала материалы какого-то дела, и тут в кабинет зашла коллега помоложе – Кэти, недавно назначенная, тридцать шесть лет, на четвертом месяце беременности, оплодотворение через банк спермы.

– Надо ехать, – сказала она.

Я на нее вытаращилась:

– То есть?

– Надо уезжать из страны. Происходит что-то не то.

– Ну еще бы – чрезвычайное положение…

– Да нет, не только. Мне закрыли банковскую карту. И кредитки – обе. Я пыталась купить билет на самолет – так и узнала. Ты на машине?

– Что? – переспросила я. – Почему? Тебе же не могут просто взять и отрубить деньги на счету!

– Похоже, могут, – сказала Кэти. – Если ты женщина. Мне в авиакомпании сказали. Временное правительство только что приняло новый закон: деньги женщин отныне переходят к их ближайшим родственникам мужского пола.

– Все еще хуже, – сказала Анита, коллега чуть постарше. Она тоже зашла ко мне. – Гораздо хуже.

– У меня нет родственников мужского пола, – сказала я. Меня все это огорошило. – Это же совершенно антиконституционно!

– Про Конституцию забудь, – сказала Анита. – Ее только что отменили. Я слышала в банке, пыталась там… – И она заплакала.

– Возьми себя в руки, – сказала я. – Надо подумать.

– Какой-нибудь родственник у тебя найдется, – заметила Кэти. – Похоже, они это годами планировали: мне сказали, что мой ближайший родственник мужского пола – мой двенадцатилетний племянник.

В этот миг парадную дверь суда вышибли. Ворвались пятеро мужчин, двое парами, один замыкающим, все с автоматами на изготовку. Мы с Кэти и Анитой вышли из моего кабинета. Наша секретарша Тесса заорала и нырнула под стол.

Двое были молоды, где-то двадцать с хвостом, но еще трое – средних лет. Молодые подтянуты, у остальных пивные пуза. Все в камуфляже и до того стереотипны, что, если б не автоматы, я бы, может, рассмеялась, не понимая еще, до чего дефицитен скоро станет женский смех.

– Что тут такое? – спросила я. – А постучать нельзя было? Дверь же открыта!

Мужчины пропустили это мимо ушей. Один – вожак, надо думать, – сказал своему спутнику:

– Список у тебя?

Я подбавила негодования:

– Кто ответит за ущерб? – Меня накрывал шок: стало холодно. Что происходит – ограбление? Захват заложников? – Вам чего? Денег мы здесь не храним.

Анита пихнула меня локтем, чтоб я умолкла: она уже постигала наше положение лучше меня.

Помощник вожака поднял повыше лист бумаги.

– Кто тут беременная? – спросил он.

Мы переглянулись. Кэти выступила вперед:

– Я.

– Мужа нет, так?

– Нет, я…

Кэти обеими руками прикрывала живот. Как многие женщины в то время, она предпочла одинокое материнство.

– В школу, – сказал вожак.

Те, что помоложе, шагнули к Кэти.

– Пройдемте с нами, мэм, – сказал первый.

– Зачем? – спросила Кэти. – Вы что себе думаете – врываетесь сюда и…

– Пройдемте, – сказал второй.

Они подхватили ее под локти и потащили. Она закричала и все равно исчезла за дверью.

– Ну-ка прекратите! – сказала я.

Из коридора слышался ее голос – чем дальше, тем тише.

– Распоряжаюсь здесь я, – сказал вожак.

Он был в очках и с закрученными усами, которые, впрочем, не добавляли ему добродушия.

По ходу моей, если можно так выразиться, галаадской карьеры мне не раз выпадал повод отмечать, что мелкие сошки, дорвавшись до внезапной власти, зачастую злоупотребляют ею хуже всех.

– Не переживайте, никто ее не тронет, – сказал помощник вожака. – Отвезут в безопасное место.

Он зачитал наши имена по списку. Отнекиваться было без толку: они и так знали, кто мы.

– Где секретарша? – спросил вожак. – Тесса эта.

Бедная Тесса вылезла из-под стола. От ужаса ее трясло.

– Ну чего? – спросил человек со списком. – Гипермаркет, школа или стадион?

– Тебе сколько лет? – спросил вожак. – Ладно, молчи, тут все написано. Двадцать семь.

– Дадим девчонке шанс. Гипермаркет. Может, на ней кто-нибудь женится.

– Отойди вон туда, – велел вожак Тессе.

– Господи Иисусе, она описалась, – сказал третий немолодой.

– Не кощунствуй, – сказал вожак. – Вот и хорошо. Боязливая – может, будет делать, что велят.

– Дождешься от них, как же, – сказал третий. – Одно слово – бабы.

По-моему, это он так шутил.

Вернулись двое молодых, которые увели Кэти.

– Она в фургоне, – сообщил один.

– А еще две так называемые судьи женского пола где? – спросил вожак. – Лоретта какая-то? И Давида?

– Обедают, – сказала Анита.

– Мы заберем этих двух. Дождитесь тех, приглядите за этой, – скомандовал вожак, ткнув пальцем в Тессу. – Потом эту заприте в фургоне, который в гипермаркет. Потом привезите обеденных.

– В гипермаркет или на стадион? Этих двух?

– На стадион, – сказал вожак. – Одна возрастная, у обеих высшее юридическое, обе судьи. Ты же слышал приказ.

– Бывают случаи, когда прямо жалко, – сказал второй, кивнув на Аниту.

– Это как Провидению будет угодно, – ответил вожак.

Нас с Анитой свели вниз по лестнице, пять пролетов. А лифт работал? Даже не знаю. Потом нам наручниками сковали запястья спереди и засунули нас в черный фургон со сплошной перегородкой между нами и водителем и железными сетками в зачерненных оконных стеклах.

Мы все это время помалкивали – ну а что тут сказать? Ясно было, что призывы о помощи останутся без ответа. Пользы нет кричать или бросаться на стенки фургона – зряшная трата сил, а больше ничего. Так что мы ждали.

Зато в фургоне был хотя бы кондиционер. И кресла – можно сесть.

– Что они будут делать? – шепнула Анита.

За окнами ничего не видать. Мы и друг друга не видели – только смутные силуэты.

– Не знаю, – сказала я.

Фургон затормозил – на КПП, вероятно, – и снова двинулся, и снова затормозил.

– Конечная, – объявил чей-то голос. – На выход!

Задние двери фургона распахнулись. Анита выбралась первой.

– Шевелись, – велел другой голос.

Со скованными руками вылезать сложно; кто-то схватил меня за локоть, дернул, и я ступила на землю, едва не упав.

Фургон отъехал, а я шатко стояла и озиралась. Поле под открытым небом, группы других людей – других женщин, стоит добавить, – и немало мужчин с автоматами.

Я очутилась на футбольном стадионе. Только здесь уже был не футбол. Здесь была тюрьма.

VI

Шесть – это тлен

Протокол свидетельских показаний 369А

13

Мне было очень трудно рассказывать вам, что было, когда умерла мама. Тавифа любила меня безусловно, а теперь ее не стало, и все поплыло, все стало зыбко. Наш дом, сад, даже моя спальня – все было ненастоящее, словно вот-вот растворится в тумане и исчезнет. В голове у меня крутился библейский стих, который Тетка Видала заставляла нас вызубрить:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они – как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает[25 - Пс. 89:5–6.].

Засыхает, засыхает. Точно сип, точно Господу не хватает дыхания. Когда мы декламировали наизусть, у многих из нас на этом слове перехватывало горло.

На мамины похороны мне выдали черное платье. Присутствовали несколько других Командоров с Женами и наши Марфы. Мамины бренные останки лежали в закрытом гробу, и мой отец произнес краткую речь о том, до чего прекрасной Женой была мама, как она всегда думала о других, забывая о себе, какой она пример для всех женщин Галаада, а затем прочел молитву, поблагодарил Бога за то, что Бог избавил маму от боли, и все сказали «Аминь». А в Галааде из-за похорон женщин особо не суетились, даже если женщина была из высокопоставленной семьи.

С кладбища важные люди приехали к нам домой, и там были небольшие поминки. Цилла напекла сырных палочек – они были в числе ее фирменных блюд – и разрешила мне помочь. Это меня немножко утешило: надеть фартук, натереть сыр, выдавить тесто из кондитерского шприца на противень, а потом в стеклянное окошко посмотреть, как оно поднимается. Сырные палочки мы

пекли в последний момент, когда все уже прибыли.

Потом я сняла фартук и в черном платье вышла к гостям, как мне велел отец, и ни слова не проронила, как он тоже мне велел. Большинство гостей смотрели сквозь меня, кроме одной Жены, которую звали Пола. Она была вдова, немножко знаменитая, потому что ее мужа, Командора Сондерса, шампуром убила Служанка у него в кабинете – скандал, о котором годом раньше много перешептывались в школе. Откуда Служанка взялась в кабинете? Как она туда проникла?

По версии Полы, девушка была безумна, ночью прокралась вниз, стащила шампур из кухни, а когда бедный Командор Сондерс выглянул из кабинета, застигла его врасплох – убила мужчину, который с неизменным уважением относился и к ней, и к ее работе. Служанка сбежала, но ее поймали и казнили, и повесили на Стене.

Другую версию принесла Сонамит от своей Марфы, а та – от главной Марфы дома Сондерсов. В этой версии были страсти, насилие и греховная связь. Видимо, Служанка чем-то соблазнила Командора Сондерса, и он велел ей прокрадываться вниз по ночам, когда всем полагалось спать. И Служанка проскальзывала в кабинет, где ее ждал Командор, и тогда глаза у Командора вспыхивали, как два фонаря. Кто знает, каким похотливым домогательствам он ее подвергал? Наверняка противоестественным, они-то и свели Служанку с ума, хотя с некоторыми Служанками и стараться особо не надо, они и так на грани, но эта, видимо, с головой дружила еще хуже прочих. «Никаких нет сил об этом думать, – говорили Марфы, – которые больше ни о чем думать не могли».

Когда муж не явился к завтраку, Пола отправилась его искать и обнаружила без штанов на полу в кабинете. Прежде чем вызвать Ангелов, Пола натянула ему штаны. Пришлось звать на помощь одну Марфу: мертвые люди – они либо как деревянные, либо как плюшевые, а Командор Сондерс был грузный и неудобной формы. Сонамит сказала, что ей Марфа сказала, что Пола вся извозюкалась в крови, пока натягивала одежду на труп, и нервы у нее, должно быть, железные, потому что она поступила как полагается, чтобы все сохранили лицо.

Версия Сонамит мне понравилась больше. Про это я и думала на поминках, когда отец знакомил меня с Полой. Она жевала сырную палочку; смерила меня оценивающим взглядом. Я такое лицо видела у Веры, когда она тыкала в кекс соломинкой – проверяла, испекся ли.

Затем Пола улыбнулась и сказала:

– Агнес Емима. Какая прелесть, – и погладила меня по голове, как будто мне пять лет, и сказала, что я, наверное, рада новому платьицу.

Хотелось ее укусить: она что думает, новое платье заменит мне мертвую маму? Но лучше было придержать язык, чем высказывать, что на уме. У меня не всегда получалось, но в тот раз получилось.

– Спасибо, – сказала я.

И вообразила, как она стоит на коленях в луже крови, натягивает штаны на мертвеца. От того, что я вообразила Полу в неловком положении, мне полегчало.

Через несколько месяцев после маминой смерти отец женился на вдове Поле. У нее на пальце появилось мамино волшебное кольцо. Должно быть, отец решил: а чего добром разбрасываться? Зачем покупать новое, если уже есть одно, красивое и дорогое.

Марфы ворчали.

– Твоя мать хотела, чтобы кольцо досталось тебе, – сказала Роза.

Но Марфы, само собой, ничего поделать не могли. Я была в бешенстве, но тоже ничего поделать не могла. Я куксилась и дулась, но ни отец, ни Пола не обращали внимания. Завели привычку, как они выражались, «мне потакать», что на практике означало закрывать глаза на любые мои настроения, внушая мне, что мое упрямое молчание на них все равно не подействует. Эту педагогическую методику они даже обсуждали в моем присутствии, говоря обо мне в третьем лице. Я вижу, Агнес нынче опять не в духе. Да, это как погода, скоро пройдет. Девочки есть девочки.

Вскоре после свадьбы отца и Полы у нас в школе был страшный эпизод. Я о нем рассказываю, не чтобы жути нагнать, а потому, что он поразил меня до глубины души и, быть может, объяснит вам, почему кое-кто из нас, детей того времени и той страны, поступал так, а не иначе.

Это случилось на Религии, которую, как я уже говорила, нам преподавала Тетка Видала. Она отвечала за нашу школу и за другие такие же – они все назывались Школы Видалы, – но ее портрет на дальней стене в каждом классе был меньше портрета Тетки Лидии. Всего портретов было пять. Сверху – Младеница Николь, потому что каждый день нам полагалось молиться о ее благополучном возвращении. Затем Тетка Элизабет и Тетка Хелена, затем Тетка Лидия, затем Тетка Видала. Младеница Николь и Тетка Лидия – в золотых рамочках, а остальные три просто в серебряных.

Мы все, конечно, понимали, кто эти четыре женщины: они были Основательницы. Основательницы чего – другой вопрос: мы не знали наверняка и не смели спрашивать – не хотели обидеть Тетку Видалу, обратив внимание на то, что портрет меньше всех. Сонамит говорила, что глаза Тетки Лидии на портрете следят за тобой, куда ни отойдешь, и что портрет слышит все, что ты говоришь, но Сонамит вообще много присочиняла и выдумывала.

Тетка Видала сидела на своем большом столе. Она любила, чтоб нас было хорошо видно. Велела нам сдвинуть столы поближе и потеснее. Потом сказала, что мы уже взрослые и нам пора послушать одну из самых важных историй в Библии – важных, поскольку это послание Господа исключительно для девушек и женщин, так что слушать надо внимательно. История была про Наложницу, Разрезанную на Двенадцать Частей.

Сонамит, сидевшая рядом со мной, прошептала:

– Это я знаю.

Бекка по другую сторону от меня подползла рукой к моей руке под столом.

– Сонамит, тихо, – велела Тетка Видала.

А потом высморкалась и поведала нам вот что.

Наложница одного человека – это как бы такая Служанка – убежала от своего господина к отцу. Очень своенравно поступила. Тот человек пошел ее забрать и, поскольку был добрым и снисходительным, попросил только, чтоб наложницу ему вернули. Отец наложницы понимал правила, ответил: «Да», – его огорчило, что у него такая своенравная дочь, – и по случаю достигнутого согласия мужчины устроили пир. Однако в результате тот человек и его наложница поздно отправились в обратный путь и, когда стемнело, укрылись в городе, где тот человек никого не знал. Но тут один великодушный горожанин сказал путнику, что тот может переночевать у него в доме.

А какие-то другие горожане, побуждаемые греховными страстями, пришли к этому дому и потребовали, чтобы путника выдали им. Они хотели сделать с ним постыдные вещи. Похотливые и греховные вещи. Когда подобные вещи делаются между мужчинами, это особенное зло, и, чтобы такого не допустить, великодушный горожанин и путник выставили за дверь наложницу.

– Ну она ведь заслужила, согласитесь? – сказала Тетка Видала. – Нечего было убегать. Вы представьте, сколько горя она принесла людям!

Но когда настало утро, продолжала Тетка Видала, путник открыл дверь, а наложница лежала на пороге.

– Вставай, – сказал ей путник. Но она не встала, потому что умерла. Грешники ее убили.

– Как? – спросила Бекка. Голос ее был едва ли громче шепота; она изо всех сил стискивала мне ладонь. – Как они ее убили? – По щекам ее катились две слезы.

– Много мужчин могут убить девушку, если делают похотливые вещи все одновременно, – сказала Тетка Видала. – В этой истории Господь говорит нам, что следует довольствоваться своей участью, а не бунтовать.

– Женщина должна почитать господина, – сказала Тетка Видала. – А иначе вот что бывает. За каждое преступление Господь нашлет соразмерное наказание[26 - «Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19:21).].

Конец истории я узнала позднее – про то, как путник разрезал тело наложницы на двенадцать частей, разослал всем коленам Израилевым и призвал их отомстить за злоупотребление его наложницей, казнить убийц, а колено Вениаминово отказалось, потому что убийцы были сыны Вениаминовы. Потом была война отмщения, колено Вениаминово чуть не искоренили подчистую, а их жен и детей всех поубивали. Потом остальные одиннадцать колен рассудили, что, если уничтожить двенадцатое, получится нехорошо, и прекратили смертоубийство. Оставшиеся сыны Вениаминовы не могли официально жениться на любых других женщинах и рожать новых детей, потому что остальные колена принесли такую клятву, но сынам Вениаминовым сказали, что им можно красть девушек и жениться неофициально, чем те и занялись.

Однако тогда мы конца истории не услышали, потому что Бекка разрыдалась.

– Какой ужас, какой ужас! – лепетала она.

Мы все замерли.

– Возьми себя в руки, Бекка, – сказала Тетка Видала.

Но Бекка не могла. Она так плакала – я боялась, она задохнется.

– Можно я ее обниму? – наконец спросила я.

Нам рекомендовали молиться за других девочек, а трогать друг друга – нет.

– Ну наверное, – проворчала Тетка Видала.

Я обхватила Бекку руками, и она заплакала мне в плечо.

Тетку Видалу Беккино состояние раздосадовало, но и встревожило. Отец Бекки был не Командор, он был всего-навсего стоматолог, но он был важный стоматолог, а у Тетки Видалы болели зубы. Она встала и вышла из класса.

Спустя несколько минут явилась Тетка Эсте. Когда нас надо было успокоить, звали ее.

– Бекка, все нормально, – сказала она. – Тетка Видала не хотела тебя пугать.

Что не совсем правда, но Бекка перестала плакать – она икала.

– На эту историю можно посмотреть и по-другому. Наложница сожалела о том, что натворила, хотела искупить свое ослушание и пожертвовала собой, чтобы злые люди не убили доброго путника.

Бекка чуть-чуть повернула голову – она прислушивалась.

– Наложница поступила храбро и благородно, согласись?

Бекка легонечко кивнула. Тетка Эсте испустила вздох.

– Мы все должны чем-то жертвовать ради других людей, – утешила она. – Мужчины жертвуют собой на войне, а женщины жертвуют собой иначе. Такая вот разница. А теперь давайте чуточку порадуем себя. Я принесла нам овсяное печенье. Можете поговорить, девочки.

Мы сидели и жевали овсяное печенье.

– Что ты как маленькая? – через мою голову прошептала Сонамит Бекке. – Это же просто история, подумаешь.

Бекка будто и не услышала.

– Я никогда-никогда не выйду замуж, – пробубнила она себе под нос.

– Еще как выйдешь, – возразила Сонамит. – Все выходят.

– Не все, – сказала Бекка, но только мне.

Через несколько месяцев после свадьбы Полы и моего отца к нам в дом прибыла Служанка. Звали ее Кайлова, потому что моего отца звали Командор Кайл.

– Раньше у нее было какое-то другое имя, – сказала Сонамит. – Другого мужчины. Их переводят из дома в дом, пока не родят ребеночка. Все равно они шлюхи, зачем им настоящие имена?

Сонамит сказала, что шлюха – это женщина, которая ходила не только с мужем, но и с другими мужчинами. Хотя мы толком не понимали, что значит «ходила с».

А Служанки, наверное, вдвойне шлюхи, сказала Сонамит, потому что у них и мужей-то никаких нет. Но не полагается грубить Служанкам или обзывать их шлюхами, сказала Тетка Видала, утирая нос, потому что они искупают свои грехи, оказывая услугу обществу, и за это мы все должны сказать им «спасибо».

– Не понимаю, что это за услуга такая – быть шлюхой, – прошептала Сонамит.

– Потому что дети, – прошептала в ответ я. – Служанки умеют делать детей.

– Некоторые другие женщины тоже умеют, – сказала Сонамит, – а они не шлюхи.

Это правда, некоторые Жены умели и некоторые Эконожены тоже: мы видели, у них были раздутые животы. Но многие женщины не умели. Каждая женщина хочет ребенка, говорила Тетка Эсте. Каждая женщина, если она не Тетка и не Марфа. Потому что если ты не Тетка и не Марфа, говорила Тетка Видала, что от тебя проку, раз у тебя даже ребенка нет?

Прибытие Служанки означало вот что: моя новая мачеха Пола хотела ребенка, поскольку меня за своего ребенка не считала: моей мамой была Тавифа. А что же Командор Кайл? Он, видимо, тоже не считал меня за своего ребенка. Для них обоих я как будто стала невидимкой. Они смотрели на меня сквозь меня – и видели стенку.

Когда у нас в доме появилась Служанка, я уже почти повзрослела – ну, по меркам Галаада. Я подросла, лицо удлинилось, вырос нос. У меня были темные брови – не мохнатые гусеницы, как у Сонамит, и не редкие, как у Бекки,

а изогнутые полукружьями – и темные ресницы. Волосы стали гуще и перекрасились из мышастого в каштановый. Все это радовало меня, и я разглядывала свое новое лицо в зеркале, крутилась так и сяк, вопреки всем предостережениям от тщеты.

Пугало то, что набухали груди, и вдобавок я нарастила волосы на тех частях тела, о которых не полагалось думать: на ногах, под мышками и на постыдном органе, что обладает множеством уклончивых названий. Когда с девочкой приключается такое, она больше не цветок драгоценный – она другое существо, гораздо опаснее.

Нас к этому готовили в школе – Тетка Видала прочла серию неловких иллюстрированных лекций: они должны были прояснить нам, каковы физические обязанности и роль женщины – роль замужней то есть женщины, – но прояснили мало что и не утешили ни капли. Когда Тетка Видала спросила, есть ли у нас вопросы, вопросов ни у кого не нашлось, потому что как тут подступиться-то? Я хотела спросить, почему все непременно должно быть так, но и сама знала ответ: потому что это Замысел Божий. Тетки всякий раз так выкручивались.

Вскоре у меня между ног потечет кровь – со многими девочками это уже произошло. Почему Бог не мог замыслить иначе? Но Бога живо интересовала кровь, о чем мы знали из библейских стихов, которые нам читали: кровь, очищение, опять кровь, опять очищение, кровь пролитая, дабы очистить нечистых, хотя вот руки не должны быть в крови. Кровь оскверняла, особенно если она из девушек, но некогда Бог любил, чтобы кровь проливали на его алтари. А потом Он от этого отказался, говорила Тетка Эсте, в пользу фруктов, овощей, безропотного страдания и добрых дел.

Насколько понимала я, взрослое женское тело – одна сплошная мина-ловушка. Если дырка есть, туда непременно что-нибудь засунут, а оттуда непременно что-нибудь вылезет, и так с любыми дырками: дыркой в стене, жерлом в горе, могилой в земле. Столько всего можно сделать с этим взрослым женским телом, с ним столько всего может пойти не так – я уже заподозрила, что лучше бы обойтись без него. Я подумывала уменьшить себя, бросив есть, и провела так целый день, но ужасно проголодалась, решимость оставила меня, я среди ночи спустилась в кухню и съела куриные ошметки из суповой кастрюли.

Тревожило меня не только кипучее тело: мой престиж в школе зримо понизился. Меня больше не слушали, моего внимания не добивались. При виде меня девочки осекались и посматривали косо. Кое-кто даже поворачивался спиной. Бекка нет – Бекка все еще старалась сесть рядом, но глядела прямо перед собой и больше не нащупывала мою руку под столом.

Сонамит по-прежнему уверяла, что она моя подруга – отчасти, несомненно, потому, что в остальном популярностью не пользовалась, – но теперь это она делала одолжение мне, а не наоборот. Меня все это задевало, но я не понимала, откуда такие перемены в атмосфере.

А вот другие знали. Должно быть, пошла молва, изо рта в ухо, а оттуда снова через рот: от моей мачехи Полы к нашим Марфам, которые подмечали все, а от них к другим Марфам, с которыми наши встречались, выходя по делам, а от тех Марф – к их Женам, а от Жен – к дочерям, моим однокашницам.

О чем молва? Помимо прочего – о том, что я впала в немилость у своего могущественного отца. Моей покровительницей была мама, Тавифа, но ее не стало, а мачеха не питала ко мне добрых чувств. Дома она подчеркнуто не замечала меня или рявкала: «Ну-ка подбери! Не сутулься!» Я старалась пореже попадаться ей на глаза, но ее оскорбляла даже моя закрытая дверь. Пола прямо точно знала, что я, прячась за этой дверью, думаю ядовитые думы.

Однако я упала в цене отнюдь не только потому, что лишилась отцовского фавора. Разлетелись новые сведения, весьма для меня пагубные.

Если всплывал какой-нибудь секрет, особенно скандальный, Сонамит обожала растрезвонить первой.

– Угадай, что я узнала, – как-то раз сказала она, когда мы обедали сэндвичами.

Полдень был погожий, нам разрешили устроить пикник на школьном газоне. Территория была огорожена высоченным забором с колючей лентой поверху, на воротах два Ангела, ворота отпирались, только если приезжали или уезжали Тетки, – нам совершенно ничего не грозило.

– Что? – спросила я.

Сэндвичи были с заменителем сыра – его стали класть в школьные сэндвичи вместо настоящего, потому что настоящий сыр нужен был нашим солдатам. Солнце грело, трава была мягкая, я в тот день улизнула из дома, не попавшись на глаза Поле, и в этот краткий миг я была слегка довольна жизнью.

– Твоя мать – не твоя настоящая мать, – сказала Сонамит. – Тебя забрали у настоящей матери, потому что она была шлюха. Но ты не переживай, ты же не виновата, ты была совсем маленькая и не знала.

Живот скрутило. Я выплюнула на траву недожеванный кусок сэндвича.

– Что ты врешь! – чуть не заорала я.

– Успокойся, – сказала Сонамит. – Я же говорю, ты не виновата.

– Я тебе не верю.

Сонамит улыбнулась мне жалостливо и со смаком:

– Это правда. Моя Марфа слышала от твоей Марфы, а она слышала от твоей новой мачехи. Жены знают – некоторые и сами так детей завели. Меня вот нет – меня родили как положено.

В этот миг я ее взаправду ненавидела.

– А моя настоящая мать тогда где? – осведомилась я. – Раз ты такая умная!

Ты очень-очень жестокая – вот что я хотела сказать. Я уже догадывалась, что она меня предала: до того как рассказать мне, рассказала другим девочкам. Вот почему они со мной холодны: я запятнана.

– Не знаю – может, умерла, – сказала Сонамит. – Она пыталась украсть тебя из Галаада, бежала через лес, хотела перейти с тобой через границу. Но они ее поймали и тебя спасли. Везуха тебе!

– Кто? – пролепетала я.

Сонамит говорила, не переставая жевать. Я смотрела ей в рот, откуда исторгался мой смертный приговор. У нее в зубах застрял оранжевый заменитель сыра.

– Ну, они. Ангелы, Очи, они. Тебя спасли и отдали Тавифе, потому что она не могла родить ребенка. Они тебе сделали добро. У тебя сейчас дом гораздо лучше, чем с этой шлюхой.

Убежденность охватывала мое тело параличом. Тавифина история – как она меня спасла, как бежала от злых ведьм – была отчасти правдива. Только за руку я держала не Тавифу, я держала за руку свою настоящую мать – настоящую мать, шлюху. И преследовали нас не ведьмы – нас преследовали мужчины. Наверняка с автоматами – у таких мужчин всегда автоматы.

Впрочем, Тавифа и в самом деле меня выбрала. Выбрала меня из всех детей, отнятых у матерей и отцов. Тавифа выбрала меня, дорожила мною. Любила меня. Тут все по правде.

Но теперь я осталась без матери, потому что где моя настоящая мать? Я осталась и без отца – Командор Кайл мне такой же отец, как человек на луне. Командор Кайл терпел меня, потому что я была проектом Тавифы, ее игрушкой, ее зверушкой.

Неудивительно, что Пола и Командор Кайл завели Служанку: вместо меня они хотели настоящего ребенка. А я была ничейная.

Сонамит жевала, удовлетворенно наблюдая, как до меня доходит.

– Я за тебя заступлюсь, – пообещала она, сочась лицемерным благочестием. – Твоей душе-то все равно. Тетка Эсте говорит, на небесах все души равны.

«То на небесах, – подумала я. – А мы не там. Мы там, где лестницы и змеи, и прежде я стояла на высокой ступеньке лестницы, прислоненной к Древу Жизни, а теперь сползла по змее. Как отрадно остальным наблюдать мое

падение! Неудивительно, что Сонамит не устояла перед соблазном распространить столь приятную тлетворную весть. Я уже слышала, как хихикают у меня за спиной: «Шлюха, шлюха, шлюшья дочь».

Наверняка Тетка Видала и Тетка Эсте тоже знали. Эти две должны были знать с самого начала. Теткам такие тайны ведомы. Отсюда у них и власть, говорили Марфы: потому что им ведомы тайны.

А Тетка Лидия – хмуро-улыбчивая, в уродском буром платье, с портрета в золотой рамке на дальней стене в каждом классе, – ей, должно быть, ведомо больше всего тайн, потому что власти у нее больше всех. Что сказала бы Тетка Лидия о моих невзгодах? Помогла бы мне? Поняла бы мое горе, спасла бы меня? Тетка Лидия – она, вообще, настоящая? Я ее никогда не видела. Может, она как Бог – настоящая и ненастоящая одновременно. А если ночью помолиться ей, а не Богу?

Спустя пару дней я попробовала. Однако молиться женщине было слишком немыслимо, и я бросила.

16

Остаток этого страшного дня я прожила сомнамбулой. Мы мелкой гладью вышивали наборы платков для Теток, с цветами, подходившими к их именам: эхинацея для Элизабет, хризантема для Хелены, васильки для Видалы. Я трудилась над ландышами для Лидии, вогнала в палец пол-иголки и не замечала, пока Сонамит не сказала:

– У тебя кровь на вышивке.

Габриэла – костлявая колкая девочка, популярная, как прежде я, поскольку ее отца повысили до трех Марф, – шепнула:

– Может, у нее наконец-то месячные начались, из пальца? – И все засмеялись, потому что месячные уже начались почти у всех, даже у Бекки.

Тетка Видала услышала смех, оторвалась от книги и сказала:

– Ну-ка хватит.

Тетка Эсте отвела меня в уборную, и мы смыли кровь с моей руки, и Тетка Эсте забинтовала мне палец, а вот вышивку пришлось отмачивать в холодной воде – так нас учили отстирывать кровь, особенно с белой ткани. Будущим Женам надо уметь отстирывать кровь, говорила Тетка Видала, это наша обязанность: придется надзирать за Марфами, следить, чтоб они все делали правильно. Отчищать кровь и прочие субстанции, которые выделяются из организма, – тоже забота женщин об окружающих, особенно о маленьких детях и стариках, говорила Тетка Эсте: она неизменно все представляла в радужных красках. Это у женщин такой талант, потому что у них особенные мозги, не жесткие и сгущенные, как у мужчин, а мягкие, и влажные, и теплые, и окутывают, как… как что? Она не стала договаривать.

«Как ил под солнцем, – думала я. – Вот что у меня в голове: нагретый ил».

– Что-то не так, Агнес? – спросила Тетка Эсте, промыв мне палец.

Нет, сказала я.

– Тогда чего ты плачешь, миленькая?

Оказывается, и впрямь: как я ни сдерживалась, слезы лились из глаз, из моей влажной заиленной башки.

– Потому что больно! – ответила я, уже рыдая в голос.

Тетка Эсте не спросила, отчего мне больно, хотя понимала, должно быть, что не из-за уколотого пальца. Она приобняла меня и легонько сжала.

– Очень многое причиняет боль, – сказала она. – Но надо радоваться жизни. Бог любит жизнерадостность. Он любит, когда мы ценим все, что есть в мире прекрасного.

От Теток мы только и слышали, что любит и не любит Бог, особенно от Тетки Видалы, которая, видимо, дружила с Богом очень тесно. Сонамит как-то раз

пообещала спросить Тетку Видалу, что Бог любит на завтрак, – девочки позастенчивей были шокированы, но она так и не спросила.

«Интересно, – думала я, – какое у Бога мнение про матерей, настоящих и ненастоящих. Впрочем, ясно было, что бесполезно расспрашивать Тетку Эсте о моей настоящей матери, и о том, как Тавифа меня выбрала, и даже о том, сколько мне тогда было лет. Тетки в школе старались не обсуждать с нами родителей».

В тот день, вернувшись домой, я загнала Циллу в угол на кухне, где она пекла печенье, и пересказала все, что за обедом сообщила мне Сонамит.

– У твоей подруги язык больно длинный, – сказала на это Цилла. – Лучше бы прикусывала почаще.

Для Циллы это очень резкие слова.

– Но это правда?

Я еще отчасти надеялась, что Цилла все опровергнет.

Она вздохнула:

– Помоги мне печенье испечь, хочешь?

Но я была уже взрослая – простыми дарами не подкупить.

– Скажи, – не отступила я. – Пожалуйста.

– Что ж, – ответила она. – Если верить твоей новой мачехе – да. Это правда. Ну примерно.

– То есть Тавифа мне не мать, – сказала я, сглатывая вновь подступившие слезы, стараясь, чтоб не сорвался голос.

– Смотря кого считать матерью, – сказала Цилла. – Кто тебя родила или кто больше всех тебя любит?

– Не знаю, – сказала я. – Наверное, кто больше всех любит?

– Значит, Тавифа была тебе матерью, – сказала Цилла, нарезая печенье. – И мы, Марфы, тоже твои матери, потому что мы тоже тебя любим. Даже если тебе не всегда верится. – Кругляши печенья она по одному поддевала лопаткой и перекладывала на противень. – Мы все желаем тебе добра.

Тут я в ней немножко усомнилась: что-то похожее, про желание добра, говорила и Тетка Видала – обычно она после этого наказывала. Она любила стегать нас по ногам, где потом не видно, а иногда и выше – велела нагибаться и задирать юбки. Иногда поступала так с девочками перед всем классом.

– Что с ней случилось? – спросила я. – С моей другой матерью? Которая бежала по лесу? Когда меня забрали?

– Я, честное слово, не знаю, – ответила Цилла, не глядя на меня, ставя печенье в духовку.

Я хотела спросить, нельзя ли мне печенье, когда будет готово – ужасно хотелось горячего печенья, – но разговор был серьезный, а просьба слишком ребяческая.

– Ее застрелили? Ее убили?

– Ой, нет, – сказала Цилла. – Они бы не стали.

– Почему?

– Потому что она могла рожать. Она же родила тебя, да? То есть известно, что она могла. Такую ценную женщину ни за что бы не убили – только если иначе никак. – Она помолчала, подождала, когда я это переварю. – Скорее всего, они бы ее определили в… Тетки в Центре Рахили и Лии помолились бы с ней; побеседовали бы сначала, постарались убедить, чтобы передумала.

В школе о Центре Рахили и Лии поговаривали, но невнятно: никто не знал, что там происходит. Однако если над тобой молится толпа Теток, это уже страшно. Не все Тетки добрые, как Тетка Эсте.

– А если они ее не убедили? – спросила я. – Тогда ее убили? Она умерла?

– Ой, да наверняка убедили, – сказала Цилла. – Это они умеют. У них любая и передумает, и перехочет.

– А тогда где она? – спросила я. – Моя мать… настоящая… ну, другая?

Интересно, она меня помнит? Наверняка помнит. Она меня, наверное, любила – иначе не взяла бы с собой, когда убегала.

– Мы не знаем, лапушка, – сказала Цилла. – Когда они становятся Служанками, у них больше нет старых имен, а одеты они так, что лиц не разглядишь. Все одинаковые.

– Она Служанка? – переспросила я. Выходит, Сонамит не соврала. – Моя мать?

– В Центре этим и занимаются, – сказала Цилла. – Переделывают их в Служанок, так или иначе. Тех, кого ловят. Ты как – хочешь печенья? Горячее. Масла у меня сейчас нет, но могу медом помазать.

Я сказала «спасибо». Я съела печенье. Моя мать – Служанка. Вот почему Сонамит уверяла, что моя мать шлюха. Всем известно, что прежде Служанки поголовно были шлюхами. И остались, только по-другому.

С тех пор наша новая Служанка завораживала меня. Когда она только появилась, я на нее не смотрела, как и было велено, – это добрее всего, говорила Роза, потому что либо Служанка родит ребеночка и ее куда-нибудь переведут, либо она не родит ребеночка и ее все равно куда-нибудь переведут, но в любом случае она у нас ненадолго. Им вредно привязываться, особенно к детям, все равно же придется с ними расстаться, а ты представь, как им будет тяжело.

И я отводила глаза от Кайловой, притворялась, будто вовсе ее не вижу, когда она в своем красном платье вплывала в кухню, забирала корзинку для покупок и шла гулять. Служанки каждый день гуляли парами – мы встречали их на улицах. Со Служанками никто не заговаривал, не трогал их, не прикасался, потому что были они, в общем-то, неприкасаемые.

Но отныне я косилась на Кайлову при любом удобном случае. У нее было бледное вытянутое лицо – пустое, как отпечаток пальца в перчатке. Пустое лицо я и сама умела делать, поэтому не верила, что у нее там взаправду пусто. Прежде она жила совсем иначе. Как она выглядела, когда была шлюхой? Шлюхи ходили не только с мужем, но и с другими мужчинами. Сколько было мужчин, с которыми она ходила? Что это вообще значит: ходить с мужчинами и с какими мужчинами? Она что-то высовывала из-под одежды? Носила мужские брюки? В голове не укладывается, до чего порочно! Но если да – как смело! Она тогда, наверное, была совсем другая. Гораздо живее.

Я смотрела из окна в спину Кайловой, когда та удалялась на прогулку – по саду, по дорожке, до ворот. Потом я снимала туфли, на цыпочках пробегала по коридору и прокрадывалась к ней в комнату в глубине дома на третьем этаже. Комната была средних размеров, с отдельной ванной. Вязаный коврик; на стене картина с синими цветами в вазе – раньше была Тавифина.

Должно быть, Пола перевесила картину сюда, чтоб глаза не мозолила, – мачеха вычищала из зримых пределов дома все, что могло напомнить новому мужу о первой Жене. Не в открытую – Пола действовала тоньше, убирала или выбрасывала по одной вещице, – но я все понимала. Лишняя причина ее недолюбливать.

Чего я тут рассусоливаю? Теперь-то незачем. Я не просто недолюбливала ее – я ее ненавидела. Ненависть – очень дурное чувство, от него леденеет душа, нас Тетка Эсте так учила, и я собой не горжусь, и раньше я молилась, чтоб меня за это простили, но да, я ненавидела Полу.

Тихонько прикрыв дверь, я рылась в Служанкиных вещах. Кто она на самом деле? А вдруг она и есть моя пропавшая мать? Я понимала, что это все понарошку, но мне было ужасно одиноко; приятно воображать, как бы все было тогда. Мы бы кинулись друг другу в объятия, мы были бы так счастливы снова друг друга отыскать… Ладно, а потом что? У меня не было версий дальнейших событий, но я смутно подозревала, что в дальнейшем нас бы ждали

неприятности.

Ничто в комнате ни единым намеком не выдавало, кто такая Кайлова. В шкафу аккуратным рядком висели ее красные платья, на полках лежало опрятно свернутое простенькое белое белье и ночные рубашки, похожие на мешки. У нее была вторая пара туфель, и еще одна накидка, и запасной белый чепчик. Зубная щетка с красной ручкой. И чемодан, в котором она все это принесла, но в чемодане было пусто.

17

В конце концов нашей Служанке удалось забеременеть. Я это поняла еще прежде, чем мне сказали, потому что Марфы перестали относиться к ней, как к приблудной собачонке, которую терпят из жалости, – с ней носились как с писаной торбой, кормили сытнее, на подносы с завтраком ставили цветы в вазочках. Я одержимо следила за ней и потому подмечала такие детали.

Я подслушивала, как Марфы, считая, что меня поблизости нет, возбужденно щебечут в кухне, но не всегда удавалось расслышать слова. При мне Цилла много улыбалась сама себе, а Вера понижала пронзительный голос, будто в церкви. Даже Роза смотрела самодовольно, точно съела особо вкусный апельсин, но никому не расскажет.

Что до мачехи Полы, та вся светилась. Была со мной любезнее, когда мы сталкивались, а я старалась, чтобы это происходило пореже. Я проглатывала завтрак в кухне, потом меня увозили в школу, а за ужином я побыстрее выскакивала из-за стола, ссылаясь на уроки: вышивать гладью, или вязать, или шить, или закончить рисунок, или написать акварель. Пола никогда не возражала: ей тоже неохота было меня видеть.

– Кайлова беременна, да? – как-то утром спросила я Циллу.

Спрашивала я эдак невзначай – мало ли, вдруг ошиблась? Цилла опешила:

– Ты откуда знаешь?

– Я же не слепая, – высокомерно сказала я; вероятно, мой тон ее раздосадовал. Такой у меня был возраст.

– Нам не полагается говорить, – сказала Цилла, – пока не пройдет три месяца. Первые три месяца – опасное время.

– Почему? – спросила я.

Из сопливого иллюстрированного доклада Тетки Видалы про зародышей я толком ничего не почерпнула.

– Потому что, если Нечадо, оно может… оно тогда рождается слишком рано, – сказала Цилла. – И умирает.

Про Нечад я знала: про них не учили, но перешептывались. Ходили слухи, что их очень много. Беккина Служанка родила девочку: у ребенка не было мозга. Бедная Бекка ужасно расстроилась, потому что хотела сестру. «Оно в наших молитвах. Она», – сказала тогда Цилла. От меня не ускользнуло это «оно».

Однако Пола, видимо, обмолвилась про беременность Кайловой другим Женам, потому что мой престиж в школе вдруг опять взлетел под небеса. Сонамит и Бекка вновь соперничали за мое внимание, как прежде, а другие девочки слушались, будто меня окутала незримая аура.

Будущий ребенок отбрасывал отблески на весь свой ближний круг. Точно золотистая дымка окутала наш дом – и золотилась ярче день ото дня. Когда миновала трехмесячная веха, в кухне устроили междусобойчик, и Цилла испекла кекс. Сама Кайлова, судя по тому, что я мельком читала в ее лице, не столько радовалась, сколько вздыхала с облегчением.

Посреди этого затаенного торжества я витала темной тучей. Неведомый ребенок у Кайловой в животе забирал себе всю любовь – мне как будто ничего и не оставалось. Я была совсем одна. И я ревновала: у этого ребенка будет мать, а у меня никогда не будет. Даже Марфы больше не смотрели на меня – их притягивало сияние, что источал живот Кайловой. Стыдно признаваться – ревновать к младенцу! – но от правды не спрячешься.

В тот период случилось событие, которое стоило бы пропустить, хорошо бы забыть о нем вовсе, однако вскоре оно повлияло на мой скорый выбор. Теперь-то я стала старше, повидала мир и понимаю, что не все сочтут это чем-то прямо из ряда вон, но тогда я была юная галаадская девушка, ни единожды не попадала в подобные ситуации, и для меня это была отнюдь не мелочь. Напротив: это был ужас. И стыд – когда с тобой делают постыдное, стыд остается и на тебе. Ты словно замаралась.

Начало банальное: мне нужно было к стоматологу на ежегодный осмотр. Стоматолог был отец Бекки, и звали его доктор Гроув. Лучше не бывает стоматологов, утверждала Вера: к нему ходили все высокопоставленные Командоры и их семьи. Кабинет у него был в Корпусе Благодати Здравия – там работали только врачи и стоматологи. На вывеске были нарисованы улыбчивое сердце и улыбчивый зуб.

К врачу или стоматологу со мной всегда ходила какая-нибудь Марфа, ждала меня в приемной – так приличнее, говорила Тавифа, не объясняя почему. Но Пола сказала, что пусть меня просто отвезет Хранитель, дома дел по горло, скоро все изменится, то есть родится ребенок, надо готовиться, посылать Марфу – зряшная трата времени.

Я не возражала. Более того, чувствовала себя страшно взрослой – я же ехала одна. Всю дорогу просидела с прямой спиной позади нашего Хранителя. Потом зашла в здание и нажала в лифте кнопку с тремя зубами, и отыскала нужный этаж и нужную дверь, и посидела в приемной, разглядывая развешанные по стенам картинки с прозрачными зубами. Когда подошла моя очередь, я зашла в кабинет, как велел помощник стоматолога мистер Уильям, и села в кресло. Вошел доктор Гроув, мистер Уильям принес мою карту, вышел и закрыл дверь, а доктор Гроув посмотрел в карту и спросил, не болят ли у меня зубы, а я сказала, что нет.

Он, как обычно, повозился у меня во рту со своими ложками, и зондами, и зеркальцем. Я, как обычно, видела вблизи его глаза, увеличенные очками – голубые и покрасневшие, с веками, как у слона коленки, – и старалась не вдыхать, когда он выдыхал, поскольку дышал он на меня, как обычно, луком. Он был мужчина средних лет, без выразительных черт.

Он со щелчком содрал белые резиновые перчатки и вымыл руки в раковине у меня за спиной.

Сказал:

– Идеальные зубы. Идеальные. – А потом сказал: – Ты скоро будешь большая девочка, Агнес.

А потом он рукой накрыл мою маленькую, но растущую грудь. Было лето, и я носила летнюю школьную форму – розовую, из тонкого хлопка.

Я потрясенно застыла. Значит, это все правда – про мужчин, про их буйные, ярые страсти, и эти страсти я пробуждаю, просто сидя в стоматологическом кресле. Мне было до ужаса неловко – что тут полагается сказать? Я не знала и сделала вид, что не происходит ничего.

Доктор Гроув стоял позади меня, то есть его левая рука лежала на моей левой груди. В остальном я его не видела – только его кисть, крупную и с рыжеватыми волосками на тыльной стороне. Ладонь была горячая. Лежала у меня на груди большим горячим крабом. Я не знала, что делать. Взять его руку и убрать с груди? А его похоть не разгорится тогда еще пуще? Бежать? Тут рука стиснула мне грудь. Пальцы нащупали сосок и ущипнули. Как будто в меня вогнали канцелярскую кнопку. Я дернулась – надо срочно вылезать из этого кресла, – но рука держала крепко. Потом вдруг убралась, и у меня перед глазами возникли некоторые другие органы доктора Гроува.

– Тебе давно пора увидеть, – сказал он буднично, как говорил всегда и все. – Скоро такой же будет внутри тебя. – А потом взял мою правую руку и положил на этот свой орган.

Вряд ли нужно рассказывать, что случилось потом. У него под рукой было полотенце. Он вытерся и запихал свой отросток обратно в штаны.

– Ну вот, – сказал он. – Умница. Я тебе ничего плохого не сделал. – И отечески похлопал меня по плечу. – Не забывай дважды в день чистить зубы и потом пользуйся зубной нитью. Мистер Уильям даст тебе новую зубную щетку.

Я вышла из кабинета; меня мутило. Мистер Уильям сидел в приемной – неприметное тридцатилетнее лицо бесстрастно. Он предъявил вазу с голубыми и розовыми зубными щетками. Мне хватило ума взять розовую.

– Спасибо, – сказала я.

– Пожалуйста, – ответил мистер Уильям. – Дупла есть?

– Нет, – сказала я. – В этот раз нет.

– Это хорошо, – сказал мистер Уильям. – Не ешь сладкого – может, и не будет. Никакого кариеса. Все нормально?

– Да, – сказала я.

А где дверь?

– Ты какая-то бледная. Кое-кто боится стоматологов.

Это он что – ухмыляется? Знает, что сейчас было?

– Я не бледная, – глупо заупрямилась я: самой-то мне откуда знать, что я не бледная?

Я отыскала дверную ручку и выскочила в коридор, добралась до лифта, нажала кнопку «вниз».

И что, у стоматолога теперь всякий раз будет такое? Я не могла просто заявить, что больше не хочу к доктору Гроуву, – пришлось бы объяснять, почему, а я знала, что, если расскажу, быть беде. Тетки в школе учили, что, если какой мужчина неприлично нас потрогает, надо сообщить руководству, то есть Теткам, но нам хватало мозгов соображать, что подымать шум не стоит, особенно если это уважаемый мужчина – вот доктор Гроув, например. И вдобавок, что будет с Беккой, если я расскажу про ее отца? Это унизительно, это убийственно. Это страшное предательство.

Иногда девочки рассказывали. Одна утверждала, что их Хранитель обеими руками погладил ее по бедрам. Другая говорила, что Экономусорщик расстегнул перед ней штаны. Первую высекли сзади по ногам за вранье, второй объяснили, что воспитанные девочки не замечают мелких мужских чудачеств, а смотрят

в другую сторону, и все.

Но я не могла посмотреть в другую сторону. Некуда было смотреть.

– Я не буду ужинать, – сказала я Цилле в кухне.

Цилла пронзила меня взглядом:

– У стоматолога все прошло нормально, лапушка? Дупла есть?

– Нет, – ответила я. Выдавила жалкую улыбку. – У меня идеальные зубы.

– Заболеваешь?

– Может, простудилась, – сказала я. – Мне надо полежать.

Цилла приготовила горячего питья с лимоном и медом, принесла мне в спальню на подносе.

– Надо было съездить с тобой, – сказала она. – Но он же лучший стоматолог. Все в один голос говорят.

Она знала. Или подозревала. Предостерегала меня: мол, ничего не рассказывай. Они так и общались – шифром. Точнее, пожалуй, сказать: мы все так общались. И Пола тоже знала? Предвидела, что со мной случится такое? И поэтому послала меня к доктору Гроуву одну?

«Наверняка, – решила я. – Наверняка Пола нарочно подстроила, чтоб мне щипали грудь, совали эту грязную штуку. Хотела, чтоб меня осквернили. Осквернили: библейское слово. А Пола, должно быть, злодейски хохочет – вот какую жестокую шутку она со мной сыграла; ясно же – она бы сочла, что это шутка».

После этого я бросила молиться о прощении за то, что ненавижу Полу. Правильно я делала, что ее ненавидела. Я готова была ждать от нее худшего – и ждала.

Шли месяцы; моя жизнь – на цыпочках, ухом под дверями – продолжалась. Я работала над собой: старалась видеть, оставаясь невидимой, и слышать, оставаясь неслышимой. В моей жизни появились щели в дверных косяках и прикрытых дверях, посты перехвата в коридорах и на лестницах, истончения в стенах. В основном до меня долетали обрывки или даже паузы, но я научилась складывать из них целое и заполнять фразы непроизнесенным.

Наша Служанка Кайлова все росла и росла – ну, живот у нее рос, – и чем больше она росла, тем сильнее ликовали в доме. То есть ликовали женщины. Про Командора Кайла не поймешь. У него и так-то лицо всегда было одеревенелое, а мужчинам вообще не полагалось выражать эмоции – плакать или даже громко смеяться; правда, когда другие Командоры приходили к Командору Кайлу на ужин с вином и праздничными десертами, которые так прекрасно пекла Цилла, со взбитыми сливками – если удавалось достать, – смех из-за закрытых дверей столовой иногда все-таки доносился. Но, я думаю, даже Командор Кайл хотя бы умеренно радовался разбуханию Кайловой.

Порой я гадала, как относился ко мне мой настоящий отец. Про мать я кое-что понимала – она бежала вместе со мной, Тетки сделали ее Служанкой, – а про отца не знала решительно ничего. Должен же быть у меня отец? У всех есть. Вы, наверное, думаете, что я заполняла пустоту идеальными картинками, но нет: пустота пустовала.

Кайлова теперь была звезда. Жены под разными предлогами засылали к нам Служанок – одолжить яйцо, вернуть миску, но на самом деле только спросить, как дела у Кайловой. Служанкам разрешали войти в дом; потом вызывали Кайлову, чтоб они клали руки на ее круглый живот и чувствовали, как брыкается ребенок. Поразительные лица были у них во время этого ритуала. Изумление, словно узрели чудо. Надежда, потому что, если получилось у Кайловой, у них тоже получится. Зависть, потому что у них пока еще не получилось. Жадность, потому что им очень хотелось. Отчаяние, потому что с ними, быть может, такого никогда не произойдет. Я тогда не знала, что бывает со Служанкой, если ее сочтут фертильной, а она ни в одном доме не зачнет, но уже догадывалась, что ничего хорошего.

Пола закатывала другим Женам многочисленные чаепития. Жены поздравляли ее, и восторгались, и завидовали, а она благосклонно улыбалась, и скромно

принимала поздравления, и говорила, что все дары нисходят свыше[27 - «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак. 1:17).], а затем вызывала Кайлову в гостиную, чтобы Жены увидели своими глазами, и поахали, и посуетились. Они даже иногда называли Кайлову «милочка», чего не делали с обычной Служанкой, у которой плоский живот. Потом они спрашивали Полу, как она назовет своего ребенка.

Ее ребенка. А не Кайловой. Я размышляла, каково Кайловой. Но никого не занимало, что у нее в голове, – всех интересовал только ее живот. Они гладили ее по животу, порой даже прижимались к нему ухом, а я стояла за открытой дверью гостиной и подглядывала в щелочку, чтоб видеть ее лицо. Видела, как она старается застыть лицом, точно мраморная, но ей не всегда удавалось. С приходом к нам лицо у нее округлилось – чуть ли не опухло, – и мне чудилось, что это из-за слез, которые она не дозволяет себе выплакать. Она плачет тайком? Я шныряла под ее закрытой дверью, навострив уши, но ни разу не услышала.

Шныряя у нее под дверью, я злилась. У меня когда-то была мать, и меня отняли у этой матери, отдали Тавифе, как вот этого ребенка отнимут у Кайловой и отдадут Поле. Так оно делается, так оно устроено, так должно быть во имя благого будущего Галаада: немногие приносят жертвы ради множеств. Тетки считали так, Тетки учили этому нас, и все равно я понимала: здесь что-то не то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перев. С. Славгородского. (Здесь и далее примеч. перев. Переводчица благодарит за поддержку Бориса Грызунова.)

2

Галаад – гора, а также гористая страна за Иорданом, которая славилась богатством и плодородием. «И взял Иаков камень и поставил его памятником. И сказал Иаков родственникам своим: наберите камней. Они взяли камни, и сделали холм, и ели [и пили] там на холме. [И сказал ему Лаван: холм сей свидетель сегодня между мною и тобою.] И назвал его Лаван: Иегар-Сагадуфа; а Иаков назвал его Галаадом» (Быт. 31:45–47). «Галаад – город нечестивцев, запятнанный кровью» (Ос. 6:8).

3

«И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт. 1:21).

4

«Когда я усну» (Now I Lay Me Down to Sleep) – английская детская песенка, известная с XVIII века.

5

Первые строки стихотворения Уильяма Блейка «Агнец» (The Lamb), вошедшего в его сборник «Песни невинности» (Songs of Innocence, 1789), перев. Д. Смирнова-Садовского.

6

«Приходит другой ‹вестник› и сказывает: сыновья твои и дочери твои ели и вино пили в доме первородного брата своего; и вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе» (Иов 1:18–19).

7

«И было у него ‹Иова› семь сыновей и три дочери. И нарек он имя первой Емима, имя второй – Кассия, а имя третьей – Керенгаппух. И не было на всей земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их» (Иов 42:13–15).

8

«В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38–42).

9

«И видел я: и вот четыре колеса подле Херувимов, по одному колесу подле каждого Херувима, и колеса по виду как бы из камня топаза. И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе. Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, и они туда шли; во время шествия своего не оборачивались. И все тело их, и спина их, и руки их, и крылья их, и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их» (Иез. 10:9–12).

10

«Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна» (Быт. 29:31); «И вспомнил Бог о Разили и услышал ее Бог, и отверз утробу ее» (Быт. 30:22).

11

Хильдегарда Бингенская (1098–1179), святая Хильдегарда – немецкая монахиня, философ, мистик, писательница и музыкант, автор книг по медицине, настоятельница бенедиктинского монастыря Рупертсберг; веками почиталась как святая и была официально канонизирована как «Учитель Церкви» в 2012 г.

12

«Жизнь девушек и женщин» (Lives of Girls and Women, 1971) – цикл рассказов канадской писательницы Элис Манро, история взросления девушки в маленьком городке и ее отношений с матерью.

13

Джон Генри Ньюмен (1801–1890) – английский богослов, писатель и поэт, англиканский священник, лидер Оксфордского движения, которое положило начало англокатолицизму; в 1845 г. перешел в католицизм, в 1879 г. стал кардиналом, а в 2019 г. канонизирован Католической церковью. Его трактат «В защиту моей жизни: ответ на памфлет под названием «Так что же имеет в виду доктор Ньюмен» (Apologia Pro Vita Sua, Being a Reply to a Pamphlet Entitled «What, Then, Does Dr Newman Mean?», 1864) был написан в ответ на критику англиканского священника Чарльза Кингсли.

14

Вариация народной ирландской и американской песни «Лилия Запада» («The Lily of the West») периода ранних колонистов, записывалась, помимо прочих, Джоан Баэз, Бобом Диланом, Бертом Дженшем, Марком Нопфлером, Peter, Paul and Mary и т. д.

15

И то и другое – песни из мюзиклов американского композитора Ричарда Роджерса и либреттиста Оскара Хаммерстайна II: «О, что за чудесное утро» («Oh, What a Beautiful Mornin’») – из мюзикла «Оклахома!» (Oklahoma!, 1943), «Когда идешь сквозь бурю» – а точнее, «Ты никогда не будешь одна» («You'll Never Walk Alone») – из мюзикла «Карусель» (Carousel, 1945).

16

Флоренс Уайл (1881–1968) – американо-канадская скульптор, дизайнер и поэт, соосновательница Канадского общества скульпторов, первая женщина, ставшая действительным членом Канадской королевской академии искусств (1938).

17

Колетт (Сидони-Габриэль Колетт, 1873–1954) – французская писательница, классик французской литературы, звезда Прекрасной эпохи, с 1945 г. – член Гонкуровской академии, а с 1949 г. – ее президент. «Мицу» (Mitsou) – ее новелла 1919 г.

18

«Ибо очи Господа обозревают всю землю» (2 Пар. 16:9). «На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых» (Притч 15:3).

19

«И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд. 1:22–23).

20

Слегка искаженная цитата из: Уильям Шекспир. Генрих IV. Часть 1, акт V, сцена 4, перев. Е. Бируковой.

21

Парафраз названия «Подпольная (она же Подземная) Железная Дорога» – тайная система организации побегов чернокожих рабов из южных американских штатов на Север и в Канаду в период перед Гражданской войной в США. Была создана освободившимися рабами и белыми аболиционистами, среди которых было немало квакеров. Все элементы системы назывались в согласии с железнодорожной метафорой: в частности, в ней имелись «станции», «проводники» и «партии товара», подлежавшие переброске.

22

«Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф. 13:45–46).

23

«Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов» (Притч 31:10).

24

Аллюзия на стихотворение американского поэта Роберта Фроста «Другая дорога» (The Road Not Taken, 1916): «В тот день на распутье в осеннем бору… путь я нехоженый выбрал себе», перев. Н. Винокурова.

25

Пс. 89:5–6.

26

«Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19:21).

27

«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак. 1:17).

Купить: https://tellnovel.com/margaret-etvud/zavety

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити